

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

25 JANVIER 1936

LES COSAQUES LIBRES

IXe ANNEE

25 ЯНВАРЯ 1936 г.

191

25 СІЧНЯ 1936 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й

РІК ВИДАННЯ 9-ий

Ж. Пигон

Содержание:

1. **И. Билый:** Задачи и роль казачьей эмиграции в предстоящей освободительной борьбе.
2. Признания врага.
3. Трагедия Казачества.
4. **Николай Посохов:** Пути предков.
5. **Чужинец:** Борьба Яицкого казачества за автономию в 18-м веке (до Пугачева).
6. Праздник Вольного Казачества.
7. Казачья эмиграция.
8. Думы и мысли.

Почтовый ящик:

Св. Жюльен. Г. А. Получено. Спасибо. Привет.
Коломбель. К. Л. Получено. Спасибо. Привет.
Мон-Ферран. И. П. Будет напечатано в следующем номере. Привет.
Бразилия. И. Г. — Д. Н. Ответ — письмом. Привет.
Ош. А. И. Получено. Спасибо. Привет.
Б. Монастер. Н. Д. Хорошо. Привет.
Неаж. П. Получено. Спасибо. Привет.
Виши. С. Ч. Получено. Будет напечатано. Привет.

Кутынь. П. Р. Посылается. Привет.
Тулуза. И. X. Получено. Спасибо. Привет.
Монсо. А. Щ. Получено. Спасибо. Привет.
Варенн. К. Получено. Спасибо. Привет.
Пелча. А. П. Спасибо за пожелания. Журнал будет высылаться. Привет.
Швеция. А. Т. Ответ послан. Привет.
Бельфор. Ф. К. Получено. Привет.
Крезо. Г. Ф. Получено. Спасибо. Привет.

КО ВСЕМ ВОЛЬНЫМ КАЗАКАМ.

Редакция «В. К.» приступает к печатанию отдельного издания III части «Трагедии Казачества». Эта третья часть будет по крайней мере в два раза больше II части. Кроме того, такое издание в Париже вообще стоит дороже, чем в Праге. — **НУЖНА ПОМОЩЬ.**

Как могут казаки помочь делу? — Весьма просто: пусть каждый, за кем числится долг за журнал, заплатит его теперь же. Пусть каждый тот, кто может, внесет подписку на следующий 1936 год, не откладывая дела в долгий ящик.

А главное — пусть каждый вольный казак приобретет себе III ч. «Трагедии Казачества», уплатив теперь же ее стоимость. Стоимость эта, предполагается, будет равна 15 фр. франкам или 1 америк. доллару.

Кто будет платить за журнал, пусть сразу платит и за III часть «Т. К.»

Из-за границы, вместо посылки 1 доллара, можно посылать в письме 10 международных почтовых купонов.

Во Франции небольшие суммы можно присылать в письмах почтовыми марками.

КО ВСЕМ КАЗАКАМ

По инициативе вольных казаков решено поставить хотя скромный памятник герою восстания донских казаков в 1918 году, первому взявшему Новочеркасск, умершему 16 сентября 1934 года здесь, за границей, генералу **М. А. Фетисову.**

С этой целью в городе Сансе образована особая комиссия, в задачу которой входит собрать нужные средства, купить необходимое место на кладбище, перенести туда прах покойного и поставить самый памятник.

В состав комиссии вошли: председателем — **А. А. Ченцов** (казак ст. Андреевской), казначеем — **А. П. Киреев** (ст. Нижне-Курмоярской), членами — **П. А. Текучов** (ст. Верхне-Курмоярской) и **И. А. Ченцов** (ст. Андреевской).

Все казаки приглашаются внести хоть небольшую лепту на сооружение памятника донскому герою, казачу ген. **М. А. Фетисову.**

Пожертвования направлять по адресу казначея комиссии **А. П. Киреева:**

М. А. Kireeff, 16, rue Beaurepaire, Sens (Yonne), France.

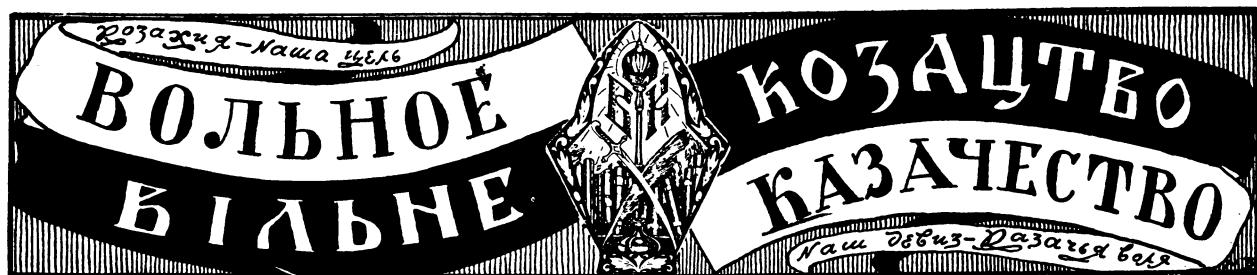
ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 191

Суббота 25 января 1936. — Субота, 25 січня 1936

№ 191

И. Билый

Задачи и роль казачьей эмиграции в предстоящей освободительной борьбе

*(Доклад, прочитанный в открытом собрании Парижской ВК
имени А. И. Кулабухова станицы 12 января).*

Вчера парижские газеты принесли известие, что позавчера, в пятницу 10 сего января, председатель совета народных комиссаров в Москве произнес «пабатную» речь об опасности, грозящей Советскому Союзу извне, и о значительном увеличении, по этому поводу, советского военного бюджета на 1936 год. В Москве заговорили о необходимости увеличить силы Союза на его западных и восточных границах. Тов. Молотов бросил новый лозунг: «в армии — наше спасение».

Председатель совета народных комиссаров знает, вероятно, лучше нас, что делается в «большом свете» и имеет, очевидно, основания бить тревогу.

Трудно, конечно, быть пророком, трудно сказать, что будет в большом международном свете завтра, но, как видим, сегодня в этом свете происходит «движение воды», а от него, этого света, во многом будет зависеть судьба нашего врага, — следовательно, и судьба наша, если сами мы окажемся на высоте стоящих перед нами задач, если сами мы будем сильными и сумеем взять в свои руки руль своей собственной судьбы.

А чтобы мы не оказались девами неразумными, мы теперь уже должны думать о своем завтрашнем дне, должны делать расчеты и планы своего желаемого будущего. И лучше поспешить, чем опоздать нам с подготовкой к этому будущему.

Наш патриотический долг велит нам, незави-

симо от того, когда могут наступить интересующие нас события, готовиться к ним, *готовиться ко второй борьбе за освобождение — теперь и все время.* А прежде всего нам надо упорядочить и привести в ясность наши политические мысли в голове и наши казачьи чувства в сердце, ибо

когда будет порядок в голове и сердце, когда будет ясно в голове и сердце, когда будут хорошо решены все наши основные вопросы казачьим разумом и сердцем, только тогда можно будет серьезно говорить об остальной подготовке — с надеждою на успех.

Поэтому — с них надо и начинать. Надо начинать нам, казакам, с подготовки нашей головы и нашего сердца, ибо эта подготовка определяет собою все дальнейшее.

И тем более это надо делать нам скорее, что 1936 годом мы вступаем в полосу тех тревожных и ответственных годов, на которые давно уже предсказываются некоторые большие международные события. Это заставляет нас быть в настоящее время особенно бдительными.

Мы — не первая казачья эмиграция. Но мы не хотим разделить судьбы казачьих эмиграций предыдущих. Доля Некрасовцев в Турции или остатков Запорожья в теперешней Румынии нас не прельщает.

Мы хотим вернуться домой. Хотим вернуться

себе этот Дом-Родину, себе и тем нашим братьям, что остались там... Хотим поразить врага, нас изгнавшего, и изгнать его из нашего Дома-Родины. Ибо мы хотим иметь свой Дом.

Но не только мы хотим вернуться — нас там и ждут. Ждут и возлагают на нас некоторые надежды. Оправдаем ли мы их?

Каковы же эти надежды и что мы должны делать, чтобы их оправдать?

— И если там ждут нас, то — *каких и с чем нас там ждут, какие надежды и задачи на нас там возлагают?* — И как мы сами понимаем стоящие перед нами задачи и предстоящую нам в них роль?

— Раньше, чем говорить о роли казачьей эмиграции в грядущих событиях, надо говорить о самой казачьей эмиграции и стоящих перед ней задачах.

Итак, что представляет собою казачья эмиграция и каковы стоящие перед ней задачи?

— Казачья эмиграция не однородна и не единомышленна. Казачья эмиграция разбросана по разным политическим и неполитическим лагерям — казачьим и не казачьим. Поэтому нельзя говорить ни о единой, в политическом смысле, казачьей эмиграции, ни о единой политической задаче, преследуемой этой эмиграцией.

Но нас интересуют в данном случае два лагеря казачьих эмигрантских сил — лагерь «русских казаков» и лагерь казаков националистов, лагерь казачьих самостийников.

Не будем говорить сегодня о лагере русско-казачьем. Своих задач — казачьих задач — эта часть казачьей эмиграции не имеет. Эта часть казачьей эмиграции не имеет никакого казачьего решения казачьего вопроса. Она предоставила решение его другим — русским. Тем самым она не претендует ни на какую самостоятельную роль вообще. Она предпочитает играть служебную роль в русском деле, отводя такую же служебную роль в пользу России и всему Казачеству в будущем.

Куда ведет их путь? — Их путь ведет к исторической смерти Казачества или к признанию той смерти его, к какой приговорили его там теперешние красные оккупанты. Их путь ведет через новые жертвы Казачества ради России — все равно какой — к старому. Этот путь — повторение страшной Трагедии Казачества с тем же, а может быть и еще горшим печальным концом. Этот путь — борьба за власть в России для других и отказ от распоряжения своей собственной судьбой.

Не будем говорить и о судьбе самой казачьей эмиграции русского толка. Судьба эта незавидна. И понятно почему. Если эта часть казачьей эмиграции не станет на казачий национальный путь, она постепенно политически отомрет. Уже сейчас у «русских казаков» нет никакой политической жизни, уже сейчас ей нечем и не для чего жить.

Казачья политическая жизнь возможна только в казачьем национальном лагере. Только этот лагерь ставит перед собою казачьи задачи в чистом виде. Только эта часть казачьей эмиграции

может говорить о самостоятельной роли в будущих событиях, ибо она ставит казачий вопрос самостоятельно и независимо от всякого иного вопроса. Только эта часть казачьей эмиграции считает себя казаками и — никем больше. Только казак националист ответил исчерпывающе на вопрос — кто он, а ответив, сделал и все необходимые из своего ясного и определенного ответа такие же ясные и определенные логические выводы.

Казачий национальный лагерь представляет сейчас Вольно-Казачье движение. Понятно поэтому, что говоря дальше о задачах и роли казачьей эмиграции в грядущей освободительной борьбе, мы тем самым будем говорить в первую голову о самих себе.

Кто же мы и каковы стоящие перед нами задачи?

Мы — национально-политическая казачья эмиграция.

Мы — самостийники.

Мы — казачьи националисты.

К чему мы стремимся и каковы наши конечные цели — на эти вопросы мы ответили уже своей восьмилетней работой. Эти ответы предопределяют наши задачи и нашу роль в их разрешении:

Мы служим своей идее и ВК программе здесь, хотим вернуться домой и продолжать служить им и там.

Ни своей программы, ни стоящих перед нами задач, ни предстоящей нам роли мы не скрываем от других казаков, как не скрываем и того, что, по нашему глубокому убеждению, казачьи национальные задачи Казачество тем легче решит, чем больше казачьих патриотов станет под казачьи национальные знамена для их осуществления.

Наше, вольных казаков, поведение и наш образ действий подчиняются и должны будут подчиняться следующим требованиям:

1. *Мы должны выиграть.* Казачество не смеет второй раз проиграть.

2. *Мы должны выиграть с наименьшими возможными для нас потерями,* ибо в недавнем прошлом Казачество понесло слишком огромные потери.

3. *Наших собственных сил в данный момент для единоборства с нашим врагом недостаточно,* следовательно — необходимо предварительное ослабление противника и *увеличение наших сил — собственных и союзных.*

При всех своих расчетах на будущее мы, конечно, исходим из одной основной предпосылки:

мы считаем, что в будущей освободительной борьбе Казачий Вопрос разрешится только комбинарованным действием казачьей эмиграции и Казачества тамошнего. Конечные цели и основные задачи у тех и других будут одинаковые, но роль тех и других в их осуществлении — не одинакова.

Забегая наперед, сейчас уже скажем, что главная физическая роль в борьбе падет прежде всего на Казачество тамошнее, а главная роль политическая должна будет лечь на плечи и голову казачьей эмиграции.

Раньше, чем говорить об этой роли казачьей эмиграции, постараемся поставить и ответить на вопрос:

когда и при каких внешних и внутренних условиях мы сможем вернуться домой?

Исключаем, как практически невероятный, случай радикального изменения отношения Кремля к Казачеству и к казачьему вопросу. Невероятно, чтобы оккупанты сами и добровольно ушли из Казачьих Краев и предоставили Казачеству полную свободу в решении своей исторической судьбы. Невероятно, чтобы Москва признала за казаками право на самоопределение вплоть до действительного отделения.

Исключаем и другой случай — случай отказа Казачества от дальнейшей борьбы, примирение с молчаливым и окончательным переходом в историческое небытие. Исключаем «раскаianie» казачьей эмиграции, признание ею оккупантов и возвращение туда на милость их и немилость.

Остается два случая, не одинаковой степени вероятности. Случай менее вероятный — это внутренний взрыв или переворот в СССР, новая революция и новая «смута», при которой Казачество, наравне с другими народами, *отвоюет себе право на самостоятельность*.

Кто бы ни пришел, в случае новой русской революции, на смену большевикам, Казачество не может рассчитывать ни в какой мере на то, что оно может достичь своих политических идеалов без борьбы. Следовательно, и для казачьей эмиграции, в этом случае, был бы возможен только один путь возвращения на свою родину — *возвращение с боем*.

Другой случай, более вероятный, это — внешнее поражение СССР, прежде всего поражение его красной армии во внешнем столкновении и *восстание там Казачества* и других поработенных ныне Советами народов.

И в этом случае *казачья эмиграция может вернуться домой только с боем*.

Какой же бой и где мы можем дать врагу, при каких условиях и какую может казачья эмиграция оказать помощь своим братьям там?

Эта помощь может быть *физической и политической*.

Скажем наперед, что для казачьей эмиграции физическая роль ее (по причинам, о которых скажем ниже) будет значительно меньшей, чем роль политическая, но *физическая, военная сила казачьей эмиграции является совершенно необходимой предпосылкой силы политической. Казачья политика должна будет опереться прежде всего на казачью силу*.

Какую же физическую силу сможет представлять собою казачья эмиграция и как и где она может быть использована для казачьего дела?

Казаков заграницей тысяч 30-35. Но они разбросаны почти по всему свету. Это первое наше неблагоприятное условие. Казачья эмиграция постарела и будет стареть. Много больных и инвалидов. От военного дела и отвыкли, и отстали. За годы нашей эмиграции военное дело ушло далеко вперед. По сравнению с Мировой войной, измени-

лась организация вооруженных сил, появились новые виды оружия, изменилась тактика и вооружение...

Говорить при этих условиях о том, что вся казачья эмиграция может быть использована как активная физическая сила — не приходится.

Тем не менее военные формирования, организация *казачьей армии* заграницей из казаков-эмигрантов в свое время является *абсолютно необходимой для успеха казачьего дела*. На эту будущую казачью армию *опрется казачья политика* и, если она будет разумной, она сможет сделать много. Что же касается самих казачьих вооруженных сил из заграничных казаков, то величина роли их будет зависеть исключительно от того, когда, как и на каком месте они будут использованы. Но *самой большой силой такой эмигрантской казачьей армии будет самый факт ее существования и то, зная, какое она поднимет*. Эта роль казачьей эмигрантской армии будет тем большей, чем скорее и чем больше количество казаков там узнают о поднятом ею знамени. — *Сила такой армии будет зависеть от того, какую политическую программу она понесет и каких союзников во внешнем мире она сможет найти*.

Конечно, как везде и всегда — и этого казаки никогда не должны забывать — *казачья политика в конечном счете даст тем больший эффект, чем сильнее будут в решающий момент стоящие за ней казачьи дивизии*.

Но, если казачья эмиграция может играть преимущественно и прежде всего *политическую роль*, то каковы задачи этой казачьей политики и в чем должна выразиться и выявиться эта роль казачьей эмиграции?

Прошлые казачьи эмиграции, старые казачьи эмиграции, не ставили себе задач борьбы за утерянную свою родину, не боролись за возвращение домой. Постепенно эти эмиграции потеряли на чужбине свой облик и для Казачества умерли навсегда.

Мы не хотим разделить судьбы их. Мы хотим вернуться домой. — Но, *сначала надо завоевать нам это право вернуться к себе домой*, сначала надо изгнать из Казачьих Земель тех, кто нас туда не пускает, тех, кто полонил наш дом. Это мы можем осуществить только *комбинацией политических и физических сил казачьей эмиграции плюс силы Казачества тамошнего плюс помощь извне*. Помощь извне — это союзники и друзья, это — наши соседи и другие народы теперешнего СССР, борющиеся за свое освобождение.

В этой работе по созданию такой «комбинации» казачья эмиграция должна проявить *максимум инициативы и энергии*. Но для того, чтобы казачья эмиграция могла с честью и с успехом выполнить стоящие перед ней задачи, она сама *должна хорошо знать эти задачи и свою роль в их решении*.

Каковы же *очередные задачи и роль казачьей эмиграции*, в связи с нашими основными желаниями и современными международными событиями? —

1. Первой задачей казачьей эмиграции было — *выявить и упорядочить казачьи политические стремления и идеалы, формулировать казачью политически-государственную программу и отыскать дорогу к ее осуществлению.*

Задача эта целиком ложится на плечи казачьей эмиграции, т. к. там, на Родине, Казачество, лишенное права не то что говорить, но и мыслить свободно, не может формулировать со всей ясностью и определенностью казачьей политической программы.

В эмиграции задачу эту взяло на себя ВК движение и решило ее целиком. Остальной части казачьей эмиграции остается только присоединиться к национально-освободительному движению или, по крайней мере, с ним не бороться.

2. Создав программу, казачья национально-политическая эмиграция должна была создать и организацию для защиты и проповеди своей программы, для борьбы за нее на фронте внутреннем и внешнем.

3. Казачья патриотическая эмиграция должна сделать все, чтобы облегчить в соответствующий момент политическую ориентировку Казачества там, чтобы Казачество там не бродило в будущем в политических потемках, как бродило оно в недавнем прошлом, как бродит, может быть, сейчас, как бродит в них еще и часть казачьей эмиграции.

4. Казачья национально-политическая эмиграция должна взять на себя роль представителя политически-государственных интересов всего Казачества, т. к. Казачество там, скованное цепями красной оккупации, сделать этого пока не может.

5. Казачья эмиграция должна вести пропаганду казачьего вопроса во вне; должна сделать свой вопрос вопросом международным; должна найти свою «международную систему» и свое место в ней; должна найти союзников и друзей во внешнем мире, найти помощь казачьему делу во вне...

6. В соответствующий момент казачья н.-п. эмиграция должна взять на себя инициативу и выступить активно, выступить всеказачьим авангардом в борьбе за казачье будущее, в борьбе за казачью национально-освободительную программу.

Казачья эмиграция первой должна будет пойти в борьбу. Казачьи патриоты должны будут стать в первые ряды борцов за казачье дело. Только при этом условии казачья национальная эмиграция сможет, — а она и должна будет стать политическим вожаком всего Казачества — по крайней мере на первое время борьбы.

А казачья заграничная армия с ее национально-освободительным знаменем должна будет стать тем центром, тем магнитом, который вытянет из рядов вражеской красной армии, перетянет с той стороны фронта всех казаков в свою казачью национальную армию.

И еще одну задачу — отсюда туда — должна взять на себя казачья эмиграция. Эта задача — ускорить процесс национального возрождения Казачества там, с одной стороны, а с другой —

сделать все, чтобы не растрчивались напрасно физические и моральные силы Казачества там... Надо беречь казачью кровь!..

Остается весьма существенный вопрос: *можем ли мы, казаки, свое дело выиграть и при каких условиях можем выиграть?*

Мы, вольные казаки, отвечаем: да, можем и должны выиграть. Для этого Казачеству, ставшему на путь национализма и самостоятельности, нужны, прежде всего:

*вера в свои силы и свое дело;
хорошая организация своих сил;
хорошая внутренняя и внешняя пропаганда
своей идеи и своей программы;
удачные союзники и
наша собственная активность.*

Надо знать свои силы, надо уметь расставить их на нужных направлениях и надлежащим образом их использовать, удачно употребить. — Конечно, мы должны будем использовать свои моральные и материальные силы, не останавливаясь и перед крайним напряжением.

Правда, сейчас мы имеем только нашу идею и наше право. Вооружить эти силы материально — это наша очередная задача завтрашнего дня. Но наши силы моральные, силы нашего духа уже вооружены. Моральная наша сила в том, что дело наше — правое.

Прошлая Мировая война родила новые виды оружия: воздушный флот, танки, газы и... пропаганду.

Конечно, и воздушный флот, и танки, и газы, и многое другое придется искать нам в первое время во вне. Но пропаганды, настоящей пропаганды занять нельзя — она может быть или нашей или совсем ее не будет.

Из всех новых видов оружия наиболее сильное — пропаганда, особенно там, где борются идеи, где происходит борьба политическая, что как раз и имеет место в нашем случае.

Пропаганда в наших руках может играть весьма большую, может быть — первую роль. На первое время — это единственное серьезное оружие — наше собственное. Весьма поэтому важно, чтобы она поставлена была у нас на надлежащую высоту.

Пропаганда действительна и хороша тогда, когда она хорошо ведется. А хорошо она можетвестись тогда, когда ее ведут талантливые люди и когда эти талантливые, способные люди имеют перед собою ясную цель, знают, что они делают и зачем делают. Пропаганду, конечно, легче вести за правое дело, за свое дело, за такое дело, в которое и сам веришь...

Мы, казаки, количественно принадлежим к народам небольшим, к народам малым. Поэтому, своей недостаточностью количественной мы должны возместить качеством.

Чтобы нам не «затеряться» среди больших народов, чтобы завоевать себе среди них свое место под солнцем и сберечь его в будущем, мы должны будем особенно культивировать волю к жизни,

веру в себя, смелость и отвагу. Мы должны будем быть особенно строгими к своему возглавлению и к своей будущей власти: мы не смеем позволить себе роскоши иметь бездарное правительство.

Народ сильный и богатый может позволить себе совершить больше ошибок, чем народ менее сильный и менее богатый. Мы в недавнем прошлом, не будучи ни очень уж сильными, ни богатыми, позволили себе *непростительную роскошь наделать слишком много ошибок.* За это сейчас платимся, но, если хотим выжить, не смеем повторить того, что было, не смеем позволить себе *делать новые ошибки.*

Наблюдая разные государства, мы видим, что даже сильные государства не строят своей обороны исключительно на своих силах. Тем более это относится к государствам не большим, почти всегда ищущим себе помощи во внешней политике, восполняющей недостающее количество своих собственных вооруженных и материальных сил. — Значит, не всегда в своей жизни народы решают свои «внешние» вопросы за счет исключительно своих сил.

Недавно мы, казаки, имели силы и растратили их напрасно. Значит, одних грубых физических сил народу недостаточно, чтобы хотя бы только защищать себя. Кроме силы, нужно и еще кое что, чем мы, казаки, как раз в прошлой борьбе не располагали — нужно *умение, нужно искусство распоряжения этими силами.* Одни и те же силы не равны даже самим себе — они тем больше, чем в более талантливых руках они находятся. *Искусное, талантливое возлавление* не только *лучше использует свои силы, оно приумножит их удачными союзами и, следовательно, решит задачи* большие, чем могло бы решить только со своими собственными силами.

Из истории мы знаем, что поражение малого народа стоит ему всегда очень дорого, всегда до-

роже, чем поражение народа большого. Что это значит, мы знаем теперь по собственному опыту. Мы теперь знаем, что мы даже не знаем, сколько мы потеряли в результате своего поражения, не можем сосчитать своих потерь и утрат — людских и материальных — так они велики. Другой раз, повторяю, позволить себе этого не смеем.

Но, если не смеем второй раз проиграть, *можем ли выиграть?* — спрашиваю еще раз и еще раз отвечаю:

— *Можем.* Ибо кто может помешать нам, казакам, проигравшим первый раз количеству, проигравшим близорукостью своей политики и бесталанностью своих вождей, — кто может помешать нам второй раз *выиграть качеством?* Кто может помешать нам вести теперь *политику дальновидную?* Кто может помешать нам увеличить наши собственные силы — увеличить количество и часть материальную — *удачным выбором союзников?* Кто может помешать нам наши материальные недостатки восполнить *силою духа?* Кто может помешать нам поставить во главе себя людей *более способных, более талантливых, более дальновидных,* чем это было вчера?

Подлинная сила каждого народа в любой борьбе составляется из двух частей, из двух «множителей»: части материальной и части моральной или идейной: только сочетав *количество и идею,* получим настоящую силу народа.

Наш враг сильнее нас количественно. *Мы сильнее его идеей.* Значит, от нас будет зависеть, чтобы «произведение» из большого количества врага на его слабую идею было меньше «произведения» из нашего меньшего количества на нашу великую идею.

Тогда победим. Тогда выиграем. Тогда не будем больше ходить в эмиграции, а будем жить в своем прекрасном, своем собственном национальном Казачьем Доме.

Признания врага

«НАСТОЯЩЕГО ХОЗЯИНА» В КОЛХОЗЕ НЕТ

(Окончание)

Прежде, чем перейти к докладу Шеболдаева, о котором мы писали уже в прошлом номере журнала, сделаем небольшое отступление и приведем несколько выдержек из советской прессы — как иллюстрации к нынешней ситуации в Казачьих Краях и к докладу об этой ситуации того же Шеболдаева. — Вот отрывок из приветствия «Товарищу Шеболдаеву» от Ростовского гор. комитета коммун. партии по поводу получения им, Ш., награды — ордена Ленина:

...«Под вашим большевистским руководством Азово-Черноморский край одержал величайшие победы как в области укрепления колхозного строя, так и в области индустриализации края. За пять лет Вашей работы в качестве руководителя большевиков края Азово-Черноморье в корне изменило свое лицо. **Сочлены и разбиты в пух и прах попытки кулачества путем строительства.**») Большевики Азово-Черноморья

под вашим непосредственным руководством сумели преодолеть трудности периода **наиболее острой классовой борьбы** — 1932-33 г.г... — Казачество, бывшая опора царского самодержавия и южной контрреволюции, окончательно и бесповоротно (? Ред.) стало на путь колхозов и является (является-ли? Ред.) прочной опорой советской власти на Дону и Кубани... («Молот», 22 дек. 1935.).

— Другой отрывок — из обращения «стахановцев» ко всем трудящимся Азово-Черноморского края:

...«Мы хорошо помним то время, когда станицы Кубани и Дона были оплотом, надеждой всей контрреволюции (? Ред.) в годы гражданской войны. Всем нам памятно время, когда Кубань и Дон были ареной ожесточенной **классовой** (? Ред.) борьбы за укрепление пролетарской диктатуры и социалистическое переустройство сельского хозяйства. Разгромленное в открытом бою кулачество, остатки белогвардейщины и атаманины, пробравшись в период коллективиза-

*) От редакции: Подчеркнуто везде нами.

ции на командные посты, организовали в 1932 году контрреволюционный кулацкий саботаж, разлагая колхозы, пытались взорвать их изнутри. Хозяйство колхозов пришло в упадок, сократились посевы, катастрофически упала урожайность, поля заросли сорняками, хищнически уничтожался скот, многие колхозы переживали величайшие трудности и стояли на грани развала («Молот» 23 дек. 1935.).

— Иногородний из станицы Уманской (большевики переименовали ее в станицу Ленинградскую) тов. А. Волошин (бригадир тракторной бригады) на совещании «передовиков» урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства» в Москве, говорил:

— «...Кубань была опорой царского правительства, а в 1932 году гнездом кулацкого саботажа. Но... кулацкий саботаж на Кубани был уничтожен... В нашей бывшей Уманской станице при царском правительстве находилось пятьдесят два генерала. Это все старое сметено и сейчас наша Ленинградская станица стала неузнаваемой. У нас имеется звуковсе кино, множество тракторов, школ, у нас хорошие дороги, тротуары, имеется сад культуры...» («Молот», 29 дек. 1935 г.).

— Передовая «Молота» 3 января с. г. начинается так:

«Колхозники Дона и Кубани переживают незабываемые, радостные дни. Правительство социалистической родины наградило орденами передовых трактористов, машинистов молотилок и мастеров урожая. Вместе с комбайнерами, 100 лучших людей нашего края удостоились высокой награды... Сегодня в крае нет такого уголка, где бы не разгоралось великое народное движение за высокий урожай»...

Несколькими строками ниже та же передовая утверждает, что «лучшие люди колхозов и совхозов Азово-Черноморья... дали слово, что в 1936 году наивысшую выработку по Союзу дадут кубанцы и донцы»...

— Так говорят оккупанты. Говорят враги. — Несколько позже мы скажем по тому же повсду и свое слово. А теперь приведем свидетельство одного иностранца по поводу голода, организованного оккупантами в Казачьих Краях в 1932-1933 годах. Секретарь международного комитета помощи, образованного в Вене кардиналом Инницером, доктор Е. Амменде в книге (на немецком языке) «Должна ли Россия голодать?», вышедшей в Вене в прошлом, 1935. году, утверждает, что вымаривание населения голодом было в руках большевиков одним из орудий борьбы с сепаратизмом не великорусских племен...

— Сейчас положение, как будто меняется. Оккупационные власти заговорили о Казачестве. Т. к. политика ликвидации Казачества потерпела поражение, власть начинает менять тактику. Когда то хвалили казачков цари и постепенно прибрали их к рукам. Теперь начинают хвалить и товарищи, тоже прибирая к рукам и возлагая надежды на урожай и бойцов, как мы говорили уже в прошлом номере. Оккупанты хотят использовать в своих интересах все казачьи силы, все казачьи способности и все казачьи ресурсы.

Заговорили о лучших чертах Казачества. Заговорили и о старых Казачьих традициях, — правда, пока только о самых безобидных, с советской точки зрения. Заговорили, конечно, не спроста... — «Комсомольская Правда» 17 декабря прошлого года сообщает, что недавно секретарь Северо-Кавказского (Терского Войско и часть Кубанского) краевого комитета компартии Евдокимов обратился к казакам-колхозникам с призывом «восстановить старые казачьи традиции».

Традиции эти, по мнению Евдокимова, состоят в том, что казаки-колхозники и казачки-колхозницы должны иметь лучших в крае лошадей, храбрейших, искуснейших джигитов, самый звучный хор певцов, самую искусную труппу танцоров...

— Трудно еще сказать, что это значит, но похоже уже на то, что если еще не заискивают, то немного потакают казакам кое в чем начинают.

В чем тут дело, скоро, вероятно, узнаем, — Е.

Кускова утверждает (см. «П. Н.» от 10 сего января), что сейчас Сталин пойдет на что угодно, на всякие уступки, лишь бы создать коалицию защиты советской России против угроз германского фашизма — это извне, а внутри: «будет много перемен: опасность (извне) слишком велика»...

— Мы, конечно, ко всем этим вопросам еще вернемся, а теперь обратимся к докладу т. Шеболдаева.

Прежде всего, выпишем интересующие нас или вообще характерные места из доклада Шеболдаева (см. «Молот» от 11 декабря прошлого года).

Доклад озаглавлен: «Практические задачи колхозов», а первый подзаголовок гласит-приказывает: «Удвоить колхозный урожай».

Итак, т. Шеболдаев говорит:

«...Нынешний год (т. е. год 1935. Ред.) подводит черту под всем тем периодом, который связан с кулацким саботажем, с последствиями этого саботажа, с отсталостью и отставанием, которые имелись в наших колхозах и совхозах. Мы можем сказать совершенно твердо, что наш край уже становится краем передовых колхозов, краем передовых совхозов». (Как увидим ниже, эти передовые колхозы и совхозы достигли лишь предвоенного уровня урожая. Ред.). — «Именно поэтому мы можем и должны поставить со всей остротой вопрос об урожайности наших колхозных и совхозных полей». (Значит, «передовой» урожайности еще нет, успехи только еще предстоят. Ред.). — «Довоенные урожаи по нынешнему Азово-Черноморскому краю колебались за последние десятилетия от 5 до 6 центнеров зерна с гектара в среднем. Зря говорят о высоких довоенных урожаях — это говорят невежды или люди, которым старое время больше нравится, чем настоящее, у которых, возможно, были кулацкие и помешичьи урожаи. Эти довоенные нищенские урожаи нас не устраивают — это урожай варварского, хищнического хозяйства. Даже несколько повышенный, хотя и незначительно (возможно, что просто в голове докладчика. Ред.), урожай последних лет — 7-8 центнеров с гектара, т. е. на 1-2 центнера больше довоенного, — также является позорным для крупного колхозного и совхозного хозяйства, совершенно недостаточным для зажиточной колхозной жизни, для покрытия растущих потребностей края и страны». (Вот и вышло, что хвалиться товарищам совсем нечем. Следует обратить внимание и на своеобразную статистику их: сравнивают десятки предвоенных лет, а не последние предвоенные годы с последними годами «ихними». Ред.). — «Несомненно, что даже в текущем году (1935) сорняки и ржавчина съели львиную долю нашего урожая». (Совсем нечем хвалиться! Ред.). «Если бы не было этого наследства кулацкого саботажа (? Ред.) в наших колхозах, мы имели бы уже в настоящее время на трудодень не 4 килограмма хлеба, а 12 и 16»...

«...Однако, ликвидация сорняков и ржавчины — это только сохранение существующего урожая. А нам надо... в ближайшие годы, по крайней мере, удвоить урожай наших полей»...

«...На Дону... мы получаем с трудом сейчас — 6-7-8 центнеров с гектара». (Итак, докладчик сам признал, что сейчас они с трудом получают с полей то же, что получалось раньше — очевидно, без труда. Ред.).

«...Наш край, повествует дальше Шеболдаев, — край самых крупных колхозов и совхозов... Наш край — самый механизированный край в области сельского хозяйства... Тут основа перестройки всего нашего социалистического хозяйства на совершенно новой базе, позволяющей во много быстрее двигаться вперед. Тут огромные наши (? Ред.) «резервы»... («Лестно, конечно, нам, казакам, что вся «основа» «ихнего» соц. хозяйства, хозяйства всего Сов. Союза лежит в Казачьих Краях, но мы предпочитаем спихнуть эту «основу» с ее «основспотожниками» в их собственный дом, а на своей земле потом заложить основы с. хозяйства свои и для себя. Ред.).

«Мы имеем, продолжает Ш., население со своими особыми сложившимися чертами, с большим культур-

ным уровнем. (Относится, конечно, к Казачеству. Трагедия Казачества только в том, что им командуют сейчас предстатели населения менее культурного. Ред.).

...«Добиться удвоения урожая — дело не легкое, подчеркивает докладчик. В капиталистических странах... это недостижимо... Только колхозам и совхозам по плечу такая задача. (В первый момент невольно каждый читатель может улыбнуться, читая эти фразы. Но, если припомнить, что в капиталистических странах урожай во много раз превосходит сейчас урожай колхозные и совхозные, что здесь урожай максимальные, а там, у товарищей, минимальные, то конечно — максимальные урожай удвоить труднее, чем минимальные. Но все же, арап большой, этот тов. Шеболдаев. И невежд там много — одернуть некому, а главное — никто не смеет сказать: ври, да знай меру. Ред.).

...«На практических вопросах улучшения работы колхозов, на исправлении имеющихся еще крупнейших недостатков надо остановиться подробнее», говорит Ш.

Что же это за крупнейшие недостатки? — А вот тут то и начинается нечто более интересное. Оказывается, что

«Когда читаешь письма колхозников, очень часто встречаешься с жалобами, в том или ином виде на то, что «настоящего хозяина в колхозе нет. Каждый из вас (т. е. из «них». Ред.) может привести сотни примеров прямо непонятной бестолковщины, халатности и бесхозяйственности в колхозе. Это бьет в глаза, когда приезжаешь в колхоз: отсутствует продуманное и твердое руководство всем хозяйством... (Это в передовых-то колхозах? Ред.).

...«В немалом количестве безобразий и глупостей виновато и планирование районных организаций и краевых. Но все-таки главная беда в том, что наши председатели колхозов еще не выросли, не стали настоящему хозяевам своего дела»...

Наконец:

«Председатель колхоза должен быть хозяином. Иначе дело в колхозе не пойдет... Председатель колхоза должен быть авторитетным... Его слово должно быть законом»...

...«Нужно значение председателя колхоза высоко поднять, а самого председателя закрепить на длительный срок».

...«Жизнь требует того, чтобы иметь в колхозе твердого, крепкого председателя — хозяина всего дела».

(Все понятно без комментариев. Ред.).

Дальше:

...«Хлебозаготовки, обязательства перед нашим государством — попрежнему первая заповедь»...

«Надо уметь заставить землю дать больше благ, больше натуры, больше денег»...

...«Следует, наконец, серьезно взяться за разноречивание колхозной торговли. Совнарком и Ц. К. ВКП (б) решили реорганизовать потребкооперацию, превратив ее в торговую организацию». (Т. е. — вернуться к превоенному времени. Ред.).

Важное признание:

...«Все то, что в индивидуальном хозяйстве было бы использовано полностью, у нас нередко гниет и пропадает зря»...

Или:

«Кто лучше работает, тот должен больше получать. А с крестьянской уравниловкой, которая еще крепко живет в колхозах — всех стричь под одну гребенку, — с этой крестьянской отсталостью надо кончать».

Еще одно дело «большой политической важности»:

«Как вы знаете, у нас (! Ред.) была привилегированная часть — зажиточная часть и кулачество, особенно из казачества, которая имела самые крупные и лучшие усадьбы в центрах станиц, а пришлое

«иногородние» и батраки, — тем давалось одна десятая гектара на окраине, или совсем не отводилось усадьбы. Хотя революция очень многое изменила, однако, на практике последние преимущества прошлого еще сохранились. Поэтому мы должны дело довести до конца»...

А потом:

«Много из того, о чем мы говорили на прошлых слетах, еще не доделано. Нет еще настоящей культуры в нашем земледелии»...

...«Качество всех... работ еще далеко не соответствует требованиям культурного ведения земледелия».

«Нужна инициатива снизу, которая, исходя из основных правил и законов агротехники сельского хозяйства, использовала бы местный опыт для повышения урожая».

Одним словом, казаки должны «вывести». Ибо, что же другое значил бы этот «местный опыт»? — А дело серьезное:

...«Придется серьезно работать над тем, чтобы на месте обеспечить тракторы боронами и селками. Придется мобилизовать все, что возможно, из колхозов, придется восстансвить даже наиболее разбитые, давно заброшенные селки и бороны. Больше того — придется самим делать деревянные бороны»...

Не лучше и с живым тяглом:

«Имеется ряд очень тревожных сообщений о том, что уход за лошадью и волом попрежнему остается на крайне низком уровне и грозит повторением истощенности тягла к весенним работам»...

Не будем пока останавливаться над проектами и мечтами т. Ш. «изменить природу», «изменить климат края». Сам он признается, что «осуществление этих мероприятий подвигается пока крайне медленно и туго... Инициативы в этом отношении мало»...

В заключение — «решают кадры, люди»:

...«Конечно, наши кубанские и донские станицы, хутора сильно изменились. Но изменились еще недостаточно»...

Тем не менее:

...«Сознавая свои успехи, мы можем гордо подыти готову»...

И, конечно:

...«Мы не забываем и не забудем прошлых уроков. Мы не забыли и не забудем, что кадры контрреволюции и кулачества не все еще добыты. Они укрывались в различных щелях»...

«Нельзя забывать, что станицы Кубани и Дона имеют и сейчас свои особые трудности»...

«Мы же... не имеем права пятиться назад. Слат завоеванные позиции было бы нетерпимым позором для нас... Самое плохое было бы, если бы мы успокоились, если бы допустили хотя бы тень зазнайства... А такая опасность успокоения и зазнайства в различных его формах есть у нас»...

Поэтому

«Нало... заранее предупредить всех тех, кто не хочет дальше бороться с таким же напряжением, с таким же упорством, как до сих пор, что им не по дороге с нами»...

— В заключение можем сказать, что все это говорит о том, что оккупанты какой угодно ценой хотят получить с Казачьих Земель двойное количество хлеба и, как мы уже говорили, весьма хотели бы в лице казаков иметь защитников «их» ролны. — Свое мнение по этому поводу мы уже высказали.

Думать о каком либо серьезном изменении отношения оккупантов к Казачеству или к казачьему вопросу — абсолютно не приходится. Поборовно так кого изменения не произойдет. А если-бы когда-то дошло дело до изменения отношения не добровольно, то мы ни одной минуты не сомневаемся, что для Казачества такой случай будет всего лишь сигналом, чтобы осуществить свои политическо-государственные идеалы целиком и полностью.

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Оказавшись без вождя, самостийники собирались бить растопыренными пальцами. Фактически события развивались так быстро, что даже не все из ответственных руководителей самостийников были в курсе предпринимаемых самостийнической головкой шагов...

После бурного перерыва на трибуну выступили ген. Филимонов и произнес одну из наиболее удачных своих речей, когда-либо сказанных им в защиту положений, выгодных для Добрармии и ее руководителей... Он говорил о неприкосновенности Кубанской Конституции, о своей непоколебимой верности принятой им присяге на верное служение Кубани, клятвенно уверял Краевую Раду в том, что он решительно не допустит бы никаких насилий и издевательств над кубанской независимостью, что он мог бы устранить самое распоряжение Деникина - Врангеля о включении Кубани в тыловой район Кавказской армии, что не пришлось бы даже говорить о выдаче Кулабухова чуждой для Кубани власти ген. Покровского, если бы только сам Филимонов твердо знал, что Кубанская Краевая Рада — Верховный Хозяин Земли Кубанской — действительно ему доверяет и активно и всецело его поддерживает, если бы об этой поддержке знали руководители Добровольческой армии; говорил ген. Филимонов и о том, что Законодательная Рада «раскатила власть Атамана, что в своих действиях Атаман, к сожалению, тяжелыми путями самостийников связан по рукам и ногам, что он — выборный Атаман — лишен возможности говорить даже по телефону в столице родной ему и дорогой Кубани, которой он так деятельно служит около двух десятков лет, что хорошо знают депутаты Лабийского отдела...

В заключение Филимонов покорно, чуть не униженно, прервал Раду теперь же разрешить вопрос о том, доверяет ли она своему выборному Атаману, занимающему этот высокий пост с 1917 г. и освободившему Кубань от большевицкого ига; при этом он заявил, что за власть никогда не держался и не держится и готов теперь же перелать атаманскую булаву в руки своего более счастливого преемника. Если Краевая Рада поддержит своего Атамана, он немедленно примет самые действительные меры к ликвидации конфликта, во всяком случае, Филимонов клянется своими селинами, что он не допустит никаких насилий со стороны ген. Покровского, в адрес которого Филимонов пустил несколько весьма резких замечаний...

Речь Филимонова неоднократно прерывалась взглядами одобрения и аплодисментами его единомышленников...

Перед Краевой Радой во весь рост встал вопрос: что лучше — взять ли всю исполнительную власть в свои руки, фактически перелав ее президиуму, который должен будет вооруженной рукой разрубить гордиев узел весьма сложных и запутанных прелынувших событиями кубано - добровольческих отношений, или же вынести доверие Войсковому Атаману, уверенно и клятвенно заверявшему Раду в полной возможности мирным путем ликвидировать конфликт... Члены Рады понимали, что переход исполнительной власти в руки самостийников неизбежно повлечет за собой чрезвычайное осложнение внутреннего положения Кубани и кубано - добровольческую войну, результаты которой совершенно неизвестны...

Перед голосованием был объявлен перерыв, во время которого выяснилось, что большинство членов Рады стит за мирное разрешение конфликта и что предложение самостийников, сделанное председательствующим в Раде И. Макаренко, принято не будет, а Рада выразит доверие Атаману Филимонову, дав этим

ему возможность и полном объеме применить власть главы Кубанского Края и его вооруженных сил...

Действительную роль генерала Филимонова в кубано - добровольческом столкновении тогда знали только заговорщики.

Учтя создавшуюся обстановку в самой Раде, председательствующий И. Л. Макаренко после перерыва выступил перед Краевой Радой с заявлением, в котором пояснил, что раз Краевая Рада в такой, решающий судьбу Края, момент не поддержала его предложения, он слагает с себя обязанности заместителя председателя Рады.

После этого Краевая Рада выразила доверие Филимонову. Многие из самостийников не приняли никакого участия в голосовании и только наблюдали за голосованием...

Атаман Филимонов взял потом слово для благодарности Раде за сказанную ему поддержку в тяжелые, роковые минуты жизни Кубани. Об этой речи Атамана его единомышленник и соратник в борьбе против самостийников, Д. Е. Скобцов, говорит следующее:

...«В большое смущение привел Филимонов многих, если не всех, при вторичном своем выступлении в том же заседании. Речь шла все о том же злощастном приказе Деникина, о поручении Войсковому Атаману добиться отмены его и не допустить роковых его последствий. Перед нами стоял уже не первый гражданин своего Края и не стойкий защитник прав и достоинства Войска, а человек, усваивающий для себя лишь роль жалкого ходатая. «Я пойду на прямой провод, я буду просить, буду умолять ген. Деникина»... (цит. статья Скобцова, стр. 243).

Этому не приходится удивляться. Филимонов, как это стало известно только много лет спустя, сам принимал участие в заговоре и в его осуществлении: когда нужно было по планам заговорщиков, Филимонов собрал Краевую Раду; перед началом ее работ Филимонов устранил начальника стражи г. Екатеринодара; когда Филимонов увидел, что начало работ Рады сопровождалось победой самостийников, он послал Деникину телеграмму о том, что член Рады и Парижской делегации А. И. Кулабухов подписал договор с Горской Республикой и эта телеграмма послужила сигналом к наступлению Деникина на Кубанскую Раду, при этом, нет сомнения в том, что Филимонов, посылая эту телеграмму, прекрасно сознавал ее значение; 26-го октября Филимонов протестовал против выбора кандидата самостийников в заместители председателя Рады; когда генеральский натиск на Раду потерпел поражение, Филимонов 27 октября прочитал в Раде приказ Деникина о прелании военно-полевого суда членов Парижской делегации; чтобы не обнаружить своей действительной роли в подготовляемом перевороте, Филимонов 30 октября публично опротестовал телеграмму Деникина о прелании членов Кубанской делегации военно-полевого суду; в то же время Филимонов выступил в Раде с горячей речью в защиту ген. Науменка, который сыграл такую гибельную роль на Кубани; 2-го ноября Филимонов сбывил в Раде распоряжения генералов о включении Кубани в тыловой район Кавказской армии и о назначении Покровского командующим войсками этого района; Филимонов письмом пригласил к себе на «совещание» членов Рады, намеченных к аресту и казни; когда это не удалось, Филимонов вместе с Покровским составляет список членов Рады, подлежащих аресту, и после этого «полюбовного» решения с Покровским в атаманском дворце, Филимонов починает «ультиматум» Покровского о выдаче этих членов Рады; в тот же вечер Филимонов везет в Раду распоряжение Покров-

ского о выдаче А. И. Кулабухова; когда в Раде был поставлен вопрос о передаче временной власти самостийникам, Филимонов выступил с клятвенными заверениями перед Радой, имевшими целью добиться доверия Рады и провалить предложение самостийников; когда же Рада поверила Филимонову, не приняв предложения самостийников, Филимонов снова выступил перед Радой в той роли, которую в действительности играл все время на Кубани — в роли «жалкого просителя»...

Эта речь Филимонова была вступлением к тому предательскому делу, которое было совершенно 6-го ноября.

Снова победил сторонник ген. Деникина. Самостийники понесли весьма тяжелое и роковое для Кубани поражение...

Вотировав доверие Филимонову, Краевая Рада прекратила заседание после 4-х часов ночи и ее члены с тяжелыми чувствами расходились в ночном мраке по квартирам...

А Атаман в автомобиле спешил на совещание с ген. Покровским о дальнейших шагах заговорщиков, так как никто из самостийников еще не был арестован...

Ночное заседание Краевой Рады под 6-е ноября окончилось, как сказано выше, в четыре часа минутой, а утреннее должно было начаться в 9 часов утра. Атаман Филимонов честным словом обязался хранить ненарушимость Кубанской Конституции. Ген. Покровский без прямого согласия Филимонова не мог распоряжаться воинскими частями в пределах Кубани, а потому никакого переворота совершить бы не смел...

Что же в действительности произошло утром 6-го ноября?

На совещании Покровского с Филимоновым было решено, что Войсковой Атаман пригласит к себе во дворец предназначенного к аресту члена Рады и Заграничной делегации А. И. Кулабухова и членов Рады Д. Е. Скобцова, Ф. С. Сушкова, И. В. Горбушина, Ф. Т. Аспидова, ген. Н. М. Успенского и полк. Успенского.

Какими мотивами объяснял А. И. Кулабухов его вызов во дворец, нам неизвестно, так как по прибытии его в атаманский дворец он был там задержан, потом арестован и перевезен в штаб Покровского, там осужден и утром повешен, при чем до своей смерти он никому не мог сказать ничего о том, что ему говорили или писали, приглашая его к Атаману, другая же сторона пска еще молчит об этом.

Необходимо отметить, что даже среди главных заговорщиков не было точно установлено, что собственно конкретно надо было провести на Кубани для обеспечения интересов России: 8-9 октября Деникин, Врангель, Лукомский и Соколов сошлись на признании необходимости изменения Конституции Кубани с целью упразднения Законодательной Рады, уничтожения закона о Кубанской армии и укрепления единоличной власти атамана; 21-го октября Врангель писал Покровскому о совершенной недопустимости «каких бы то ни было вооруженных выступлений, арестов и т. д.»; 25 октября Деникин издал приказ о предании военно-полевому суду членов Кубанской заграничной делегации; 27 октября из Екатеринодара Врангель писал ген. Лукомскому уже о необходимости «перейти от угрозы к действиям», быть готовым к применению силы; 29 октября Врангель пришел к заключению — «ясно было и то, что теперь добиться упразднения Законодательной Рады и изменения «Положения об управлении Краем» в смысле нам желательном возможно было лишь насильственным путем», при чем Врангель хотел всю ответственность за переворот возложить на Деникина; 31 октября Деникин приказал Врангелю привести в исполнение приказ об аресте членов Кубанской заграничной делегации и, в то же время, весьма туманно говорил о необходимости «принять по Вашему усмотрению все меры к прекращению преступной агитации»; того же 31 октября Врангель приказал конкретно «арестовать члена Парижской делегации, а равно всех тех лиц, из числа намеченных

Вами, деятельность коих имеет определенные признаки преступной агитации» и далее приказывалось арестованных предать суду и «приговор суда привести в исполнение безотлагательно»; а 1-го ноября Врангель получил письменное приказание Деникина «привести в исполнение приказание по телеграмме № 010/29 в отношении Кулабухова и ничего в этом приказании не говорилось об аресте других членов Рады...

При всех этих условиях широкое поле деятельности стводилось для ген. Покровского, согласно совершенно ясному приказанию Деникина от 1-го ноября, обязанному действовать в согласии с Кубанским Войсковым Атаманом Филимоновым. Иначе говоря, Деникин требовал ареста только одного Кулабухова, да и этот арест Покровский должен был произвести, только посоветовавшись с Филимоновым. Что же касается дальнейших шагов переворотчиков, то и тут в полной мере должна была проявиться воля Кубанского Атамана Филимонова...

Краевая Рада, поверив лживым речам Филимонова, выразила ему свое доверие. Замечательно и то, что в это же время Деникин тоже доверял Филимонову, иначе он не приказывал бы осуществить переворот «по обсуждению вопроса с Кубанским Войсковым Атаманом».

Ну, а если бы этот Атаман, поклявшись ночью под 6-е ноября перед Радой защитить самостоятельность, честь и достоинство **Войска кубанского** и получив от Рады ту поддержку, которой добивался, **категорически заявил бы Покровскому и всем, стоящим над ним, генералам, что Кубанский Атаман категорически воспрещает русским генералам какие либо действия, направленные против Кубани, против Рады, против ее членов, против членов парижской делегации; что, если бы Филимонов утром 6 ноября обратился к населению Кубани и к кубанским войскам с определенным приказом, в котором бы, опираясь на кубанскую Конституцию, на волю Кубанской Краевой Рады, решительно и при том единогласно опротестовавшей все распоряжения генералов-заговорщиков, и в этом приказе ясно сказал бы, что Кубанский Атаман категорически воспрещает деятельность в пределах Кубани властей, поставленных не от Кубанской Рады и не назначенных Кубанским Атаманом и правительством, что бы тогда мог сделать ген. Покровский со своей группой офицеров?**

Является абсолютно ясным и ни в какой степени неоспоримым, что Кубанский Атаман совершенно легко мог не допустить того, что произошло в Екатеринодаре 6-7 ноября. Последовавшие аресты и самая казнь казака-мученика А. И. Кулабухова произошли только благодаря явному попустительству со стороны Атамана.

К 9-ти часам утра 6-го ноября в центр Екатеринодара, поближе к зданию, где заседала Краевая Рада, были стянуты Софийское и Кубанское военные училища и из ст. Пашковской подтянута кубанская конная бригада полк. Буряка с батареей.

Важно подчеркнуть, что войскам было объявлено, что они выходят на парад. Почему для парада войска располагались по улицам гор. Екатеринодара, а не собирались на какойнибудь площади, по какому поводу устраивается парад, — это не было известно. Действительные цели стягивания войск к центру Екатеринодара «на парад» знали только старшие начальники частей.

В то время, как около 9-ти часов утра войска постепенно занимали указанные им места по Красной улице и по Гоголевской, напротив Рады, члены Краевой Рады, морально и физически измученные всем предыдущим, собирались на заседание...

Около половины 10 часа утра члены Рады были уже в сборе и занимали свои места в зале заседаний. Большинство членов президиума Рады тоже были за столом президиума, но заседание Рады почему-то не начиналось. Члены Рады вели тихие разговоры между собою. Публика отсутствовала.

Почему же президиум не начинал заседания Рады?

В это самое время, когда члены Рады собирались

на заседание, а войска стягивались к зданию Рады, во дворце Кубанского Войскового Атамана присходило весьма важное заседание, на котором присутствовали следующие лица: Атаман А. П. Филимонов, ген. Покровский и приглашенные Атаманом члены Краевой Рады — Д. Е. Скобцов, Ф. С. Сушков, ген. Н. М. Успенский, И. В. Горбушин, Ф. Т. Аспидов и полк. Успенский.

Как видно из сообщений самих участников этого совещания, Покровский объявил присутствующим о его намерении немедленно арестовать и предать военно-полевому суду целый ряд членов Рады. Присутствующие протестовали против «мер жесткой расправы с политическими противниками — членами Рады» и убеждали Покровского дать согласие на посылку делегации Краевой Рады к ген. Деникину.

Участник этого совещания Д. Скобцов рассказывает: «...«Единодушные мнений несомненно смутило Покровского. Уже с меньшей самоуверенностью он заявил, что вопрос идет совсем не о расправе с названными лицами, необходимо лишь их обезвредить. Он же сам против кровопролития, поэтому хорошо было бы, если бы названные лица сами отдались бы ему, а он ручается, что даже «волос не упадет с их головы».

И далее Скобцов продолжает: «Сказав это, он посмотрел на часы, которые носил браслетом на руке, и более решительно заявил: «Уезжая де во дворец, он отдал приказание своим полкам в такое-то время (он назвал 11 или 12 часов) выступить из станицы Пашковский в Екатеринодар. У нас совсем мало времени. Войска теперь выступили. А раз придут войска, я должен им указать цель движения. Если к этому времени названные лица не отдадутся ему в руки... Подумайте, господа»...

Сказав это, он вышел. За ним последовал Войсковой Атаман и в полуотворенную дверь видно было, как они рука об руку ходили по Малому залу (во втором этаже) взад и вперед», повествует Д. Скобцов.

Вот это хождение Покровского и Филимонова «рука об руку» было наглядным внешним проявлением полного сотрудничества выбрнного Кубанского Войскового Атамана А. П. Филимонова с кровавым агентом Добармии — ген. Покровским, при осуществлении переворота на Кубани... Покровский потребовал выдачи А. И. Кулабухова и других членов Рады, Покровский растоптал Кубанскую Конституцию, Покровский насмеялся над правами Кубанского Казачьего Войска, завоеванными морями крови казачьей, Покровский бесконечно унижал самого Атамана, бесцеремонно, как на своей кухне, распоряжался в атаманском дворце, но Войсковой Атаман, только перед несколькими часами поклявшись перед Краевой Радой в своей преданности Кубани, верности присяге, решительном желании во всеоружии атаманской власти выступить на защиту попираемых прав Кубани, Филимонов — дружески беседовал с палачем Кубани о дальнейших шагах для осуществления переворота...

Какова же была дальнейшая роль иных участников утреннего совещания в атаманском дворце?

Оговоримся еще раз: все наше изложение о ходе трагических для Кубани событий мы стараемся вести с наибольшей объективностью, чтобы кого-либо из участников этих ужасных событий не выставить в роли, ему в действительности не принадлежащей. Поэтому, повторяем, мы принуждены довольно часто обращаться к тому, как эти события описаны самими участниками их, в необходимых случаях вводя неизбежные коррективы, так как мы располагаем данными о линии поведения всех групп политических деятелей, участвовавших в перевороте: верхов «белого» движения, кубанской группы лиц, сочувствовавших идее переворота или принимавших то или иное участие в его осуществлении, и группы кубанцев, к устраниению которых с политической арены или просто к уничтожению которых шли руководители русского антибольшевистского движения на Юге и их русские единомышленники среди кубанцев. Кроме того, мы располагаем данными о поведении массы населения Кубани, выявившемся в постановлениях Краевой Рады, в

поведении войсковых кубанских частей, юнкеров Кубанского военного училища и т. д.

«Но нашему общему мнению было важно прежде всего выиграть время», продолжает Д. Скобцов. «Июлав в положение людей, которым стала известна заблаговременно подробность намеченной кампании — войска вышли, войска двинутся и должны иметь реальную задачу (отметим, что здесь Д. Скобцов правильно говорит, что им «стала известна заблаговременно подробность намеченной кампании, так как в действительности Д. Скобцов и другие еще задолго до этого совещания 6-го ноября во дворце Атамана были хорошо осведомлены о том, что руками Покровского осуществляется кровавая расправа на Кубани. Ред.), — мы решили довести до сведения заинтересованных лиц и всей Рады о сущности опасности, а также решили точно сообщить требования Покровского.

При этом для всех нас его фраза о том, что «волос не упадет с их головы» в устах подобного субъекта представлялась полной двусмысленностью. Мы решили добиться от Покровского, быть может, менее торжественной фразы, но более реально сформулированной гарантии жизни членов Рады, над которыми висел «меч Покровского». С общего согласия Ф. Т. Аспидов взялся поехать в Раду и сообщить там и эту формулу гарантии и всю сущность разговора с Покровским.

На себя мы сместили лишь, как на могущих передать это, но какое-либо моральное давление нами совершенно исключалось (на кого давление: на Покровского, на подлежащих аресту или на Раду? прим. Ред.). Через несколько минут возвратился Покровский. По нашей просьбе он расшифровал свою туманную формулу, дав «слово русского офицера», что жизни указанных лиц опасность не угрожает. Вместе с тем он обещал не препятствовать сношению Рады через свою делегацию с ген. деникинским, а, до выяснения судьбы задержанных, оставить их во дворце Атамана.

Мы сообщили ему о готовности Ф. Т. Аспидова поехать в Раду и сообщить всю суть нашего разговора там. После некоторого раздумья Покровский согласился, поставив вопрос так, что остальным из нас следовало бы остаться во дворце до получения вестей из Рады» (все выше приведенные цитаты о ходе совещания во дворце Атамана взяты из выше неоднократно уже цитированной нами статьи Д. Скобцова: «Драма Кубани», стр. 245-247).

Фактически с этого совещания во дворце Кубанского Атамана в Раду были посланы двое: Ф. Т. Аспидов и полк. Успенский. Они везли с собою следующий список лиц, которые должны были явиться во дворец Атамана: Петр Макаренко, Иван Макаренко, Ф. К. Вропинов, С. Ф. Манжула, Г. В. Омельченко, Т. К. Роговец и К. А. Безкровный. Главная жертва — А. И. Кулабухов — отсутствовал в списке потому, что его с утра Атаман пригласил к себе во дворец, где он и был задержан, хотя сразу арестован не был.

Явившись в Раду, Ф. Т. Аспидов и полк. Успенский направились прямо в президиум, ища лиц, поименованных в списке. Ф. Аспидов был товарищем председателя Рады, в Законодательной Раде был активным председателем Земельной Комиссии, разработавшей Земельный Закон в Законодательной Раде, когда обсуждался вопрос об административной, аграрной и рабочей политике руководителей Добр. армии и Особого Совещания, Ф. Т. Аспидов выступал в Раде с довольно резким осуждением этой политики. Когда в октябре надвигались грозные монархические тучи над Кубанской Законод. Радой, Ф. Т. Аспидов в заседании этой Рады выступил с резким осуждением монархических затей. Кроме того, он бывал в гостях у некоторых из тех лиц, которые значились теперь в списке. Все эти данные об Аспидове были причиной того, что руководители самостийников относились к нему с известным доверием. Все это хорошо было известно организаторам переворота. Поэтому выбор его в делегаты от совещания во дворце был сделан удачно.

Другой делегат, полк. Успенский, был адъютантом

ген. Романовского — начальника штаба Деникина, так что в лице полк. Успенского могла быть представлена военная партия Кубани, с большим сочувствием относившаяся к делу Деникина и к методам его государственного творчества.

Эти два делегата из атаманского дворца, прибыв в Раду около 10 часов утра, из лиц, значившихся в выше приведенном списке, нашли в Раде только Ф. К. Воропинова, Г. В. Омельченко и Т. К. Роговца, позже пришел П. Л. Макаренко. Посланцы из дворца обратились к этим лицам и объяснили им, что во дворец Кубанского Атамана было только что совещание в составе ген. Филимонова, ген. Покровского, Д. Е. Скобцова, Ф. С. Сушкова, И. В. Горбушина, Ф. Т. Аспидова, ген. Успенского и полк. Успенского, что это совещание обсуждало вопрос о выходе из создавшегося к утру настоящего дня положения, что бывшие на совещании кубанцы находят крайне желательным и неизбежным для ликвидации конфликта, возникшего между Добровольческой армией и Кубанью, посылку делегации от Краевой Рады к главнокомандующему в гор. Таганрог, но что командующий тыловым районом Кавказской армии ген. Покровский в самой категорической форме отказывается пропустить делегацию от Кубанской Рады к Деникину, если только в Раде будут оставаться следующие лица: П. Л. Макаренко, И. Л. Макаренко, К. Я. Безкровный, Ф. К. Воропинов, С. Ф. Манжула, Т. К. Роговец и Г. В. Омельченко; как особенно выразительно пояснил полк. Успенский, тут идет теперь дело просто о самолюбии ген. Покровского; чтобы найти выход из создавшегося положения, совещание, происходившее во дворце Атамана, решило обратиться к названным лицам с настойчивым предложением и советом проехать во дворец к Кубанскому Войсковому Атаману и поспешать до тех пор, пока Краевая Рада изберет делегацию и пока эта делегация не выедет из Екатеринодара к ген. Деникину; если же названные лица не послушаются данного им убедительного совета, ген. Покровский делегацию Рады не выпустит, применит оружие и произойдет в столице Кубани кровопролитие, которого можно избежать...

Члены Рады П. Макаренко, Т. Роговец, Г. Омельченко и Ф. Воропинов ответили делегатам из Атаманского дворца, что в Раду будут приглашены отсутствующие теперь, но входящие в список, И. Макаренко, С. Манжула и К. Безкровный и на совместном совещании всех вызываемых во дворец будет обсуждено предложение, привезенное Ф. Аспидовым и Успенским, и будет дан потом ответ...

С разрешения присутствовавшего здесь заместителя председателя Законодательной Рады Султан-Шахим-Гирея из охраны Рады были посланы гонцы к отсутствовавшим трем членам Рады с просьбой прибыть в Раду для разрешения весьма важного вопроса.

Все эти переговоры происходили на сцене театра, позади стола президиума; члены Краевой Рады были уже в сборе, сидели на своих местах, ожидая открытия работ Рады. Все члены Рады до крайности были измучены всем тем, что происходило в Раде, начиная с 27 октября, когда Войсковой Атаман Филимонов доложил в Раде приказ Деникина о предании всеннополевному суду членов Кубанской Заграничной делегации. Особенно тяжело отразились на настроении всех членов Рады вышеописанные события последней ночи с 5-го на 6-е ноября, закончившиеся, как известно, вотумом доверия Филимонову, обещавшему использовать всю полноту атаманской власти для защиты Кубани... Тем не менее, члены Рады, после бурной, мучительной и бессонной ночи собираясь на заседание Рады, видели, что к зданию Рады подтягиваются военные училища в полном составе и подходят казаки бригады Буряка. Против входа в Раду расположилась сотня Кубанского военного училища...

Входы в Раду охранялись усиленными нарядами казаков из отряда Рады, бывшего в подчинении председателствующего в Раде Султан-Шахим-Гирея.

Скоро в Раду прибыл еще один из вызываемых — С. Ф. Манжула. Офицер, посланный из квартиры к И. Л. Макаренко и К. А. Безкровному, возвратившись к

Раду, доложил, что этих двух членов Рады он дома не нашел и неизвестно, где они находятся. А. И. Кулабухова тоже не было, ни на квартире, ни в Раде...

По получении этих сведений состоялось совещание в составе членов Рады — П. Макаренко, Г. Омельченко, С. Манжулы, Ф. Воропинова и Т. Роговца. Могло быть принято одно из трех решений: 1) во дворец Атамана не идти и начать вооруженную борьбу против насильников, 2) тем лицам, которым предложено идти в атаманский дворец, скрыться, к чему была еще возможность и 3) последовать совету совещания, происходившего во дворце под председательством Войскового Атамана.

Боя остановка в Раде и вне ее после прошлой ночи была настолько неблагоприятной для начала вооруженной борьбы, что никто из членов этого летучего совещания членов Рады, вызываемых в атаманский дворец, даже и не предлагал начать бой. Ведь, для достижения победы самостинники должны были бы не только ликвидировать гнездо ген. Покровского, но и всех кубанцев, которые по тем или иным причинам с оружием в руках стали бы на сторону заговорщиков. Надо было ликвидировать деникинцев, захватить власть, взять в свои руки ведение всей вооруженной борьбы против надвигавшихся большевистских армий. Словом, надо было суметь победить в самом Екатеринодаре, по всей Кубани, на фронте борьбы против большевистской России и на новом фронте борьбы против белой России... Весь Южный фронт уже терпел поражение.

Но не только эти величайшие задачи стояли перед самостинниками. Прешлую ночь они понесли в самой Краевой Раде большое моральное поражение: Рада поддержала Филимонова.

Чрезвычайно угнетающе действовало и то, что ни Дона, ни с Терека, куда были посланы, как мы говорили выше, делегации Краевой Рады, не приходило даже моральной поддержки.

Пока шло это совещание несколько раз подходил к совещавшимся на сцене полк. Успенский и убедительно просил поспешить с решением. Так совещание затянулось до 12 часов дня. Заседание Рады не открывалось, так как президиум Рады знал хорошо, что происходит около его стола. Члены Рады сидели на своих местах и не знали о происходящем.

Вдруг в зале заседания Рады появляется исполняющий обязанности члена Кубанского Правительства по военным делам ген. Звягинцев, быстро проходит на сцену с правой стороны, став лицом к группе вызываемых во дворец, вытянулся и отчетливо выкрикнул: «Генерал Покровский у ворот!» Потом сделал налево кругом и также быстро ушел со сцены...

Потом на сцене появился председатель Кубанского Правительства П. И. Курганский. Узнав в чем дело, он предложил вызываемым во дворец: «Я здесь имею автомобиль, я поеду с Вами»...

Таким образом, Кубанский Атаман, действуя совместно с Покровским и некоторыми видными кубанцами, приглашал группу представителей самостинников обязательно прибыть во дворец, дабы, избежав кровопролития, найти мирный выход из создавшегося весьма тяжелого положения; председатель Кубанского Правительства, сочувствуя вызываемым во дворец, предлагал сам туда же поехать с ними; а военный министр Кубани, который 26 октября опубликовал в газетах открытое письмо к президиуму Рады, защищая честь и достоинство кубанских генералов, теперь появился на сцене, чтобы прокричать: «Генерал Покровский у ворот!»

Фактически вопрос шел о головах небольшой группы членов Рады, вызываемых в атаманский дворец. Важным было и то, что трое из подлежащих аресту — А. И. Кулабухов, И. Л. Макаренко и К. А. Безкровный — в Раде отсутствовали и находились неизвестно где. Предполагалось, что все они уже арестованы... Потом оказалось, что А. И. Кулабухов был арестован, а остальные двое — скрылись.

При всех этих обстоятельствах вызываемые во дворец решили: боя не начинать и сдать. Против

этого решения категорически стоял один из вызываемых — Ф. К. Воропинов.

По поручению вызываемых во дворец, первый стоявший в списке их — П. Макаренко обратился к товарищу председателя Краевой Рады Султан-Шахим-Гирею с просьбой открыть заседание Рады и дать слово для внеочередного короткого заявления. Обе эти просьбы Султан-Шахим-Гирей исполнил немедленно.

Получив слово, П. Макаренко доложил Раде о прибытии из атаманского дворца делегатов — Ф. Т. Аспидова и полк. Успенского, доложил о сделанном этими делегатами предложении от имени совещания, происходившего во дворце, отметил личный состав совещания и заявил: «дабы не быть инициаторами кровопролития на Кубани в такие грозные времена, мы решили отправиться во дворец; пусть берут наши головы, если они нужны». После этого взял слово Ф. К. Воропинов и заявил, что он не согласен с принятым решением, что он предпочитал бы застрелиться здесь, на месте, но, подчиняясь воле большинства вызываемых, он тоже направляется во дворец.

Когда члены Рады П. Макаренко, Г. Омельченко, Т. Роговец, С. Ф. Манжула и Ф. К. Воропинов спустились со сцены в партер и проходили перед сидящими на своих местах членами Краевой Рады, делегат из дворца Атамана полк. Успенский, обращаясь ко всем членам Рады, громко сказал, что отправляющиеся во дворец делают патриотическое дело и потому полк. Успенский приглашает всех членов Рады в честь уходящих — встать. Все члены Рады молча встали, поднялись и члены президиума и все молчаливыми взглядами провожали уходящих...

Когда члены Рады вышли из здания Рады на улицу, их взорам представилась следующая картина: по обеим сторонам выхода на улицу толпились кубанские офицеры; между ними, против входной двери, вертел-

ся ген. Псковский, на противоположном тротуаре улицы стояла сотня юнкеров Кубанского военного училища... Один из офицеров окружения ген. Покровского — кубанец полк. Непокупной, лихо выхватывая наган из кобуры и произнося кабацкую ругань, бросился к выходящим. Ген. Покровский, порывисто размахивая плетью, прокричал: «Оставить! Оставить! Оставить!» С искривленной неистовый физиономией полк. Непокупной отступил в толпу своих сотоварищей...

Потом членов Рады посадили в два крытых автомобиля — один председателя Кубанского Правительства, а другой еще чей-то и отправили во дворец. В вестибюле дворца находилась толпа офицеров-казаков и не казаков. Прибывших членов Рады направили в большой зал, обезоружили и ввели в угловую комнату дворца.

В это время в одной из комнат второго этажа во дворце находились члены совещания, от имени которого арестованных теперь членов Рады «приглашали» в атаманский дворец...

Приблизительно через полчаса к арестованным зашли ген. Покровский и Кубанский Атаман Филимонов. Ген. Покровский заявил: «Господа, я сделал то, что мне приказал главнокомандующий Деникин, без дальнейших распоряжений которого с вашей головы волос не спадет. Теперь я иду на прямой провод доложить главнокомандующему». Потом Атаман Филимонов заявил арестованным: «...Я все содержание Ваше принимаю на Войсковой счет... Я тоже иду на телеграф и буду просить»...

Еще через полчаса арестованных перевезли в штаб Покровского. А. И. Кулабухова эти члены Рады не видели, так как его покровцы держали в отдельной небольшой комнате.

(Продолжение следует)

Николай Посохов

Пути предков

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(Окончание).

Вести принесенные из станиц, были мало утешительны. Из России пришли войска и гарнизоны расползлись по городам Кубани. Из Москвы прибыли русские комиссары и заместили выбранных раньше комиссаров из казаков. Новые комиссары проводят так выборы, что в управление станиц псапают одни лишь русские. Казаков не выбирают. В некоторых станицах казаки с оружием в руках пытались протестовать против насилия, но Москва страшным, зверским террором над недовольными заставила всех подчиниться и замолчать. Новая власть забирает у казаков домашнюю птицу и животных и все это свозится в назначенные места к станицам железных дорог, где вся эта живность убивается, солится, консервируется, грузится в вагоны и отправляется в центр России. Казаков тех станиц, которые выносили протест против таких действий советской власти, насильно грузят в товарные вагоны и выселяют на север России, на принудительные работы, а вместо них приходят и поселяются в станицах, в пустых куренях, красноармейцы и русские мужики. Многие станицы переименовываются по нсвому. Многих казаков и казачек назначено выселить в Сибирь. Казачество придавлено таким варварским террором и, расставаясь с родными станицами и куренями, увозит в новые места поселения в душе своей непримиримую ненависть к русским. Вот я принес газеты, где гсворится о нас, заключил разведчик свой доклад, вручая атаману газеты.

В газетах, действительно, говорилось, что для уничтожения казачьих зеленых банд контр - револю-

ционных белогвардейцев, засевших в горах, советской властью посылаются специальные отряды.

Мрачно нахмурившись, слушали казаки рассказы разведчиков, судорожно сжимая винтовки в руках.

— Станкички, начал Джигит. Думаю, что пришла пора действовать и нам. На террор мы должны ответить тем же. С ними надо бороться их же оружием. Но террор открытый для нас не возможен, т. к. вы все слышали, что у них по городам и большим станицам есть порядочные гарнизоны из красных солдат. Нам остается только террор скрытый, но систематический. Хотя нас и много, но мы не можем спуститься с гор всем отрядом, только маленькими группами по 3, по 5 человек. Скрытно можем пробраться в станицы и в первую очередь уничтожить комиссаров. Нам, кубанцам, известны пути к станицам и мы имеем там друзей. По одному или по два к каждой группе могут присоединиться также и донцы, если хотят. Оружием может служить только револьвер, кинжал или нож. Согласны ли со мной, г-н атаман? — обратился Джигит к атаману Нагайцу.

— Да, г-н сотник, я тоже так думаю.

Закончив за три дня все приготовления, весь отряд разделился на пятерки и, припрятав в горах, в надежном месте запасы, пятерки оставили горы, имея каждая свою определенную задачу. Условившись через месяц собраться вновь, кто останется в живых.

Прошел месяц. В горах снова начали показываться казаки и когда собрались, то убедились, что ряды их страшно поредел. Атаман Нагаец более не вер-

нулся, павши в схватке с солдатами. Но и многих комиссаров по станицам не стало.

Собравшись в Круг, вернувшиеся помянули теплым словом своих павших братьев и единогласно выбрали атаманом Джигита.

— Спасибо за честь, станичники, ответил Джигит, принимая весть о выборах.

Придя затем в Круг, он обратился к казакам:

— Я благодарю вас за такую высокую честь, но выслушайте мое слово.

Наступило молчание.

— Все мы недавно были по станицам и видели, как усилились русские в казачьих землях и уже узким кольцом окружили нас в горах. Много наших отважных братьев пали; ряды наши поредели, но мы не дадим себя победить. Старая Россия хотела всех казаков сделать русскими, как говорится, «руссифицировать». Новая Россия хочет осоветить казаков. Старая Россия делала это иезуитским способом, задабривая и награждая казачью старшину разными милостями и подарками. Но два с половиной века такой русской политики не рассказали нас, мы не потеряли своего национального лица и не стали русскими. Не удастся это сделать и теперешней советской России, несмотря на весь их террор. Этот террор только еще больше развьет и обострит казачий национализм и готовность бороться за свою независимость и волю всеми своими силами, не зная ни на какие жертвы. Куда бы русские не ссылали казаков, как бы они нас ни мучили принудительными работами на севере, мы всегда будем носить в душе ненависть к ним и их насилию и, умирая, будем завещать своим потомкам вырвать казачью волю из ненавистных рук. Русское красное кольцо с каждым днем суживается вокруг нас. Конечно, мы можем вступить с ними в открыт, хотя и не равный, бой и умереть с честью, но в настоящий момент мы мало принесем пользы для казачества такой смертью. Я не хочу вести вас на верную смерть. Я предлагаю всем казакам просочиться незаметно сквозь красное кольцо и рассеяться по своим и чужим станицам, сделав вид, что подчинились и приняли новую власть, но скрытно, пользуясь всяким случаем, бороться с нею и вредить ей, где и как будет возможно.

Так как теперь за горами особенно наблюдают, то нам надо по одному, по два, или по три попытаться пройти через границу к другим народам в Абхазию, Армению, Грузию, Дагестан и потом, через некоторое время, прсбратся на родину и там незаметно вести работу на разрушение новой власти и на пользу Казачества.

Воля и честь будут для нас паролем, по этому паролю будем узнавать друг-друга, куда бы нас судьба ни забросила. И в тундрах России, и в ссылке далекой Сибири, и на тяжелых принудительных работах эти слова помогут казакам найти друг-друга. Не первый раз Россия на казачьих костях и крови строит свои сооружения. Царь Петр тысячами отправлял казаков на север России, на работы по укреплению берегов Невы и сооружению новой столицы.

Все те казаки, которые не вернутся сейчас, чтобы бороться тайно с русским насилием, а останутся в чужих землях, где они ни были бы, всегда будут работать и готовить освобождение всей родины, ища себе союзников в борьбе за честь и волю своего народа. И когда наступит благоприятный час, мы, собравшись все, кому дорсга воля и честь казачья, развернем нашу нескромную лаву, чтобы уничтожить угнетателей нашей родины и те наши братья, которые будут под красным игом, услышав призывный звук казачьей трубы, с радостью вольются в нашу лаву и понесут освобождение отчизну.

Выслушав предложение атамана, казаки согласились и начали составлять группы. Поклявшись затем быть верными Казачеству и борсьею до конца и всегда стоять друг за друга, группы стали прощаться с атаманом.

— Станичники, обратился Джигит снова к собравшимся, прежде, чем нам рассыпаться, пока мы вместе, споем наш гимн-молитву; пусть он прозвучит нам,

как клятва жить и работать для освобождения нашей Родины.

И вот из нескольких сотен казачьих грудей полились могучие, как сама Кубань, звуки гимна «Ты, Кубань, ты наша родина, велковой наш богатырь»...

...«За твою ли славу старую жизнь свою ли не отдашь», подхватывали сбегавшие с гор потоки и уносили эти слова в своем стремительном беге, как клятву Кубани от ее верных сынов, в обьятия которой они все стремились.

Смолкли звуки гимна. Наступило молчание.

— Братцы, начал снова Джигит, мы казаки, Донцы, Кубачцы, Терцы и др., близкие родственники друг другу, имеем общий уклад жизни, общую веру, общие идеалы, общие заветы наших общих предков, а теперь к тому же и общего врага, который поработил казачий народ. Этот наш общий враг веками сел разнь между нами, чтобы легче было нас опутывать своими сетями и покрывать нас. Вот потому то мы и не слились до сих пор во единую казачью семью, в одну казачью нацию и не образовали единого казачьего государства с единым казачьим гимном, а каждое казачье Войско имело свой гимн. Сейчас мы здесь собрались, кубанцы и донцы. Мы всегда считали донцов нашими старшими братьями, а потсму споем и донской гимн.

И услышали седые кубанские горы мощные звуки старого донского гимна, в вещих слсвах которого... «в час невзгоды честь свободы отстоят твои сыны» — слышались не только клятва свободолюбивых сынов седого Дона, а с ними и всего Казачества, но и глубокая вера в торжество правды и в то, что настанет желанный час, когда Казачество сбросит с себя ненавистное иго и заживет всей созидательной, здоровой и счастливой жизнью.

Смолкли слова гимна и хорунжий Хомутов, после короткого молчания, дрожащим голосом сказал:

— Братцы, на прощание скажу вам, что я глубоко верю, что наша общая цель освобождения и восстановления нашей казачьей чести и воли от общего врага помогут нам слиться в одну казачью семью, в единую, великую, здоровую, неделимую казачью нацию и образовать свое независимое государство; эту глубокую веру я уношу с собой, это единственная цель, которая может дать смысл нашей жизни и нашей борьбе. Я так же верю, что в борьбе за наше святое и правсе дело мы найдем себе союзников.

— Да, будет так, заключил Джигит, набожно прекрестившись.

Простившись еще раз друг с другом, группы разошлись по разным направлениям, каждая идя к своей цели.

Джигит со станичниками Майбородсю, Волковым, с хорунжим Хомутовым, также составили группу и направились к перевалу.

Тяжелая задача лежала перед ними: пробраться в Персию, затем в Турцию к казакам-некрасовцам, решили они. Тула, не вынеся русского насилия и произвола царей, ушли вольные казаки, унеся с собой казачью правду, которой грозило быть затоптанной лаптем.

Покидая родную отчизну, эти сильные духом всадники уносили в душе твердую решимость найти казачью правду и, очистив ее от вековой пыли, показав ее ослепительный блеск всему миру и Казачеству, найти друзей и союзников, чтобы вернуть потерянную и распятую родину, а казачьему народу счастье и покой в мирной жизни на благо казачьей нации. без всякся опеки кого бы то ни было.

Верили они, что все те казаки, которые ушли за обманувшими их атаманами на Московскую дорогу, сознав всю их ивдину работу, покинут их и представят их самим себе маршировать к Москве, с русскими генералами, сами же вернутся на свой казачий шлях.

ЭПИЛОГ

Шли годы. Над казачьей родиной нависла безпросветная черная ночь. Русский красный дракон изрыгает зловонное дыхание на цветущие земли и благоухавшие прежде садами станицы. Русский мужик топтал своим лаптем кормилицу казачью землю. Смолк-

ли певучие, мелодичные казачьи песни, что пели парубки и дивчата, собравшись на улице в теплые весенние вечера. Их сменила бессмысленная русская частушка, которую гарланят пьяными голосами запоздавшие красные солдаты, возвращаясь к себе. Безбоянная Русь, забыв совесть и честь, сковала цепями покоренные народы. Новая власть выселяла казаков целыми станицами в Россию и на их места в казачьи курени вселяла русских мужиков. Тысячами отправляла насильно казаков на принудительные работы, на север и прочие гиблые места.

Бесжалостно лилась казачья кровь. Стиснув зубы, стонало Казачество, затаив глубоко в душе непримиримую ненависть к угнетателям и их потомству, заведшая своим детям отомстить за поруганную родину и вернуть волю, и честь, и славу дедов.

Многие из казаков из отряда Джигита разными путями пробрались к себе в станицы. Почти все они были посланы или на работы, или в ссылку в Сибирь и, покидая родину, свси курени и семьи, уносили в душе глубокую веру, что пробьет желанный час и воскреснет Казачество и казачья родина соберет своих верных сынов в единую казачью семью.

С далекого севера, за непрерывной каторжной работой, обращается взор казака на юг и мысль неудержимо летит в родные места, в родные станицы.

Джигиту с друзьями удалось найти следы предков и казачью правду и поведать ее тысячам казаков. И тысячи казаков, обманутых прежними иудами и изменниками Казачества, ожили и воспрянули духом, увидев заблестевшую среди непроходимой ночи путеводную звезду к своей измученной Родине. Слетела с казачьей правды чужая пыль и заблестела она золотым блеском, давая направление несокрушимой казачьей лаве к единой цели.

Не даром, ведь, народ казачий ведет издревле свое начало от предков славных бесстрашных рыцарей степей безкрайных, людей отважных с могучей волей и сильным духом, безумно смелых в борьбе за волю и честь отчины.

Мы, их потомки, молитвой теплой и песней грустной почтим их память, споем им славу. Лишь только смелый, стважно вставший за честь народа и павший жертвой любви к отчизне, достоин вечно жить в нашем сердце.

Чужинец

Борьба Яицкого Казачества за автономию в XVIII веке (до Пугачева)

(Окончание).

Неплюеву казалось, что его реформа дала плоды.

«Ныне, — писал он в Петербург, — те казачьи вольности пообузданы, ибо хотя-б кто вопреки что атаманского и старшинского мнения в Кругу и заговорил, но атаман со старшинами, не взирая на то, как надлежит по указам исполняет; равномерно ж и атаманская власть и старшины ныне в лучшее состояние приведены; ибо наперед сего бывало то, что они казаков сами собою и за малые вины смертию казнили; ныне-ж, кроме что, привязав к колям бьют плетьюми, никаких других штрафов не бывает»...

Однако и через 30 лет, в 1774 г. Павел Потемкин, посланный со специальными полномочиями на Яик, писал во всеподданнейшем докладе об Яицких казаках: «Будучи верны Российской короне, нередко искали подтверждения себе грамот на все их привилегии. Управлялись они войсковым атаманом и старшинами, коих они сами в общем кругу народа общим приговором избирали, что от некоторых времен и начали у них из употребления выводить, но до желанного предмета весьма не доведено».

«Сим образом правления были они к должному повиновению высшей власти неспособными, потому что всякое от высшего начальства полученное повеление должно было объявить собранному войсковому кругу, который, выслушав, решал общим голосом: **любо** нам или **нелюбо**, и есть-ли скажут **нелюбо**, то уж оставалось без исполнения, правительству-же приносили отговорки, вымышляя на то разные невозможности».

Борьба шла на Яике не только в защиту областной автономии от вмешательства центральной власти в местные дела. Яицкое казачество боролось также и за гражданские свободы, присущие республике, в том числе и за **свободу веры**. Раскол нашел здесь себе горячих сторонников: почти все до единого яицкие казачки держались старой веры. Между тем, и православное духовенство, и имперские гражданские власти, не прочь были распространить свое «благопочтение» о душах и на Яицкое Войско. В начале Войско не считалось с этими претензиями. В конце царствования Петра 1-го глава народной партии на Яике (она-же и раскол-ничья) Федор Рукавишников заявил в Кругу, чтобы в церковь не ходили, и книг нынешних не

слушали, для того что нынешние книги — новопечатные». Священник Петропавловской церкви Вас. Семенов стал обличать его в «**хулении на Церковь**». Круг приговорил: «посадить попа в воду», т. е. утопить. И поп был утоплен.

Но при Анне Иоанновне стало уже хуже. Епископ Казанский Гавриил, в 1736 г. выражал неудовольствие на «самовольное» принятие яицкими казаками священников со стороны, или же выборы их из своей-же братии, яицких казаков. Преемник епископа Гавриила, Лука Канашевич долго не соглашался назначить в «казачики» (т. е. в благочинные) яицкого протоиерея Максима Павлова и «произвести» в священники двух других яицких казаков, так как все три кандидата крестились «злчествным раскольническим и армянским двоеперстным крестом». Однако, уступая настояниям Войска, пришлось назначить и рукоположить «сих явных клятвпреступников и богомерзких раскольников», оговариваясь, что сие делается «ради чести» издревле пресловутого Войска Яицкого».

Но в 1754 г. тот же епископ Лука сделал уже шаг вперед и пожелал «учредить в самом том Яицком городе особое Духовное Правление», с «**ученым**» протопопом (не из казаков) во главе, учинить погловную перепись прихожан, а для «принуждения» казаков к переписи, исповеди и причастию (!), послать офицера и особую команду из солдат в Яицкий городок.

Неплюев, заступаясь за Войско, донес Военной Коллегии, прося об указе, ибо «предложенное епископом средство с легкими способами... не принято» им, Неплюевым, «а каковых (способов) он требует, то без указа, собою, учинить опасно, дабы в таком невежественном и закоснелом народе конфузии не учинить: причины не подать к побегу, или к таковому отчаянию, как в недавних годѣх в Исецкой провинции случилось, что сами себя жгли».

Неплюев не мог помешать посылке на Яик воинских регулярных команд (что было нарушением яицкой автономии), для ловли там раскольников, чуждых Войску и там укрывавшихся. Но в 1753-1756 г.г. было поймано (сверх 144 чел., взятых в 1752 г.) еще 165 ч., среди коих были уже яицкие казаки и старшины. Неплюев написал из Петербурга: «старшину Карпова,

быв. комиссара Утяжникова и других грамотных, хотя бы из простых, выслать в Военную Коллегию, а казаков Логинова и других приставщиков» (укрывателей беглых раскольников) «взять на работы в Оренбург до указа, а в прочем того следствия в Воиске Яицком не расширять, ибо известно, что они тою слепотою суеверия заражены»...

В 1750 г. Оренбургский губернатор за укрывательство на Яике раскольников, но «снисходя к закоснелости и глубокой старости яицких старшин», распорядился — «старшин — одних лишить чинов, других — отставить от службы, иных арестовать и учинить им строгий выговор в Кругу, а рядовых наказывать плетми».

Однако, в том же 1756 г. насаждение православия на Яике, путем воинских наездов, плетей и каторжных работ, внезапно прекратилось, а епископа Луку спешно убрали в Белгородскую епархию. Причина была простая: башкиры подняли восстание и бунт грозил охватить все Поволжье: яицкие казаки сразу понадобились, и не на «амплуа» каторжников, а на некоторые другие роли.

Другой формой нарушения вековых вольностей Яицкого Войска была **посылка на Яик «сыщиков», «фискалов», комиссаров и разных чинов офицеров**, иногда в сопровождении довольно значительных отрядов, для «розыску» беглых крепостных и дезертиров. По началу Войско держало себя независимо. В 1720 г. Федор Рукавишников заявил в Кругу: «Долго-ли еще розыщникам в казачий городок ездить и казаков разорять?!» Он требовал у Круга, чтобы ему дали «железа» (кандалы) сковать прсживавшего в Яицке поручика и его солдат. Этим временем Коллегия Иностранных Дел послала (в 1720 г.) на Яик для следствия майора Воейкова. До 500 ч. вооруженных казаков выехали майсру навстречу и заявили, что у них с ним «приказная сора» (теперь это называется «спором о компетенции»). За одно казаки вывели из Яицка и поручика Кустова с его командой. В 1746 г. Неплюев на указ Военной Коллегии о высылке с Яика бывших «помещиковых» людей, всякого звания служивых (кроме природных казаков) и «других чинов штабных там людей», зашедших туда с 1695-го года, писал в Военную Коллегию, что «ей не безызвестно, какой важный военный корпус есть Яицкое войско не только для здешней безопасности от степных кочующих народов, но и для других государственных польз, и какая немалая потребность всегда того наблюдать, дабы оный (корпус) в добром состоянии наблюдать, который, что люднее, то лучше»... Как мы видим, Неплюев был умным администратором, но редко какой другой край видел столько бездушных, жестоких и невежественных российских администраторов, как Войско Яицкое.

Очень болезненно воспринимались Войском **переписи**. Первая из них, призведенная полк. Захаровым в 1723 г. при содействии 2 эскадронов драгун, вызвала восстание на Яике, которое прекратилось лишь тогда, когда казаков заверили, что за переписью не последует никаких выдач с Яика бежавших туда всякого звания людей, искавших на Яике свободы.

Отметим, что Захаров насчитал на Яике 3.196 ч. муж. пола. По переписи Медера в 1801 г. оказалось 29.588 ч. об. пола. В 1830-х г.г. было 50.000 ч. об. пола.

За спасение Захарова от смерти атаман Гр. Меркулов получил от Екатерины I в награду: сто рублей денег, золотой ковш, саблю и царский портрет. А участники восстания атаман Рахминец, сотники Азовсков, Чувашев и многие казаки подверглись пыткам и были казнены.

Наиболее часты оказались покушения на **образ служения**, гарантированный Яицкому казачеству многочисленными грамотами. Началось с 1769 г. когда Гр. Ал. Потемкину пришла в голову мысль сформировать особый казачий легион в Мске, куда от Яицкого Войска потребовали 334 чел. Легонеры должны были брить бороду, носить особую форменную одежду и иметь регулярный строй¹⁾. Бритье бороды было не-

честь для раскольников, а регулярный строй нарушением казачьих привилегий. Лицкие казаки стирывали в Петероург депутацию с протестом и со ссылками на грамоты. Депутатам, толковавшим о правах, привилегиях и царском слове, для начала, сбрили бороды, а затем сдали в солдаты. Однако, после ряда депутаций с лиха, правительство вынуждено было освободить яицких казаков от легионной службы²⁾. К тому же отрывалась турецкая война и Лицкие казаки понадобились против турок.

Главные псоорники Лицкой автономии были и самими ревностными сторонниками старой веры.

Побывав на эшафоте, у позорных столбов и на ка-торге, они, возвращались на Яик, поступали в скиты. Умирая, они давали следующие заветы: «берегите истинную старую веру. Стоите грудью, открыто за кормильца нашего Яицкушу. Пострадайте за веру, а докажите начальству, что вы не ясные татары, не палотные солдаты, а вольные люди, славные Лицкие казаки»... «Глам хотели обрить бороды, записать в легион, хотели нас сделать солдатами, да не смогли. Наша, взяла! Стойте-же и вы! Всех не перестреляют, всех не перевешают, не перекажут!»

В вековой борьбе с имперским правительством яицкие казаки, говоря о своих порядках, ссылались на то, что так «во всех казачьих правлениях», «во всех казачьих местах». На уговоры, яицкие казаки заявляли: «Где можно сего принять, по неже Воиско Яицкое населилось на Яике из вольных людей» — или: «Не можно сему быть, понеже Воиску Яицкому даровано от царя Михаила Федоровича право служить казачью служу, а в прочем ни в чем невредиму состоять». Иногда они заявляли: «Не бывало сего при наших дедах и отцах, не бывать и у нас»... «Терпеть сего не можем, понеже дело новое, не обычное»...

То, что регулярным генералом казалась «замешением», недозволительным самовольством, было для яицких республиканцев обыденнейшим и законным явлением (напр. жалоба в Кругу на атамана). В 1737 г., в эпоху борьбы с атаманом Меркуриевым, Войско об-ясняло Военной Коллегии: «У нас может всякий казак о деле своем в Кругу говорить»... Пав. Потемкин в 1774 г. отмечал, что хотя сборы, налагаемые старшинами на народ, «не весьма были тягостны» (из за чего много волнений было в третьей четверти 18 века), но казаки протестовали против всякого обложения их без их согласия и требовали от атамана и старшин отчета в войсковых доходах и расходах. Да! Яицкие казаки были природными и несправимыми республиканцами. Подчинившись по доброй воле московскому царю, как созерену, они честно хтели служить общему делу, но требовали от царей верности слову, которое дали они или их предшественники за себя и за своих преемников.

Указ 15 декабря 1765 г. был дан по частному случаю, но создал новое положение для Яицкого Войска. Атаман Андрей Бородин и его соросники — старшины, были лишены своих должностей, чинов и права быть избираемыми в какие либо должности. Всейску предписано было «вольными и согласными голосами» избрать и представить на утверждение в Петербург трех кандидатов в атаманы, а до утверждения одного из них — управляться выборными из старшин и казаков. Указ восстановил права Круга обсуждать и решать дела, касавшиеся интересов всего Войска. Жалованье атамана, Всейсковой Канцелярии, Войскового духовенства и т. н. «домсесной команды» фиксировалось, т. е. ограждалось от перемен со стороны Войскового Круга.

Давая удовлетворение народной партии, особенно, в вопросе о конкретных злоупотреблениях правившей старшинской партии, указ 1705 г. изменял образ служения Войска, отменяя т. н. **наемную** (кроме служения или отлучки из Войска) и устанавливал **очередь** при отбывании службы, «не обходя никого, чтобы все казаки воинской службы практику дей-ствительно знать могли»... Указ усиливал воинскую власть атамана, позволяя «не взирая на очередь» от-

¹⁾ Указ 28 дек. 1769 г.

²⁾ Указ 7 дек. 1770 г., № 13538.

правлять в командировку казаков и старшин по своему усмотрению, а не по выбору войсковому. Право избрания походных атаманов и др. высших походных командиров фактически отнималось у казаков.

К тому же, оставленный Потаповым временный атаман премьер-майор Новокрещенов скрыл от Войска ту часть указа, где говорилось о наказании старшин, и хотел заставить Круг избрать в атаманы войскового дьяка Суетина. Круг не пожелал. Тогда-то, по доносу Новокрещенова, что Войско «бунтует», был прислан Черепов, расстрелявший Круг карчью. После долгих попыток «довести всю правду» до Военной Коллегии, коим мешали и оренбургское начальство, и старшинские интриги, на Яик прислали исправляющим должность атамана капитана гвардии Чебышева.

Последний сделал то, что давно уже должно было сделать: огласил указ о наказании старшин и обезпечил свободу выборов нового атамана. Выбран был кандидат народной партии Петр Тамбовцев. Последний тотчас изменил избирателям: оттягивая взыскания с грабителей-старшин, он стал этих разжалованных в казаки старшин назначать в полковники и походные атаманы, а те начали мстить своим политическим противникам. Он же попытался применить, в авг. 1769 г., очередь, вместо наемки, при составлении резервного отряда, а вслед за тем стал вымогать у казаков согласия на участие в Легионе. Нескольким казаков было запытанно до смерти, а 400 ч. брошены в тюрьмы. Затем начали перехватывать делегатов, которых казаки посылали с жалобами в Петербург.

Однако, народный партии удалось одержать победу. Именным указом 2 сент. 1770 г. были отставлены из Войсковой Канцелярии однажды уже разжалованные старшины, освобождены от преследования все арестованные по делу Легиона казаки, возвращен из Сибири ссыльный вождь народной партии старшина Логинов. Личным повелением Екатерины II яицкие казаки были «вовсе уволены от Легионной команды» и получили разрешение «службу свою отправлять по их прежнему обыкновению».

Для «окончательного» прекращения споров между казаками был командирован гв. капитан Дурново. Из Оренбурга должен был привезти на Яик и освободить там всех арестованных ранее сотников и казаков ген.-м. Давыдов, временно командовавший войсками Оренбургского округа. Прошло короткое время, и оба возвестителя монаршей милости превратились в палачей.

В конце 1770 г. началось бегство калмыков с Волги в Китай. Яицкое Войско должно было удержать беглецов. Атаман Тамбовцев собрал Круг и хотел назначить походным атаманом старшину Як. Колпакова. Казаки пожелали выбрать Выровщикова, вернувшегося из ссылки в Сибирь, а старшинская партия избрала в Войсковой Канцелярии членов ее — трех старшин — полковниками, а походным атаманом — Андр. Витюшова, оставляя Кругу выбирать лишь есаулов и сотников. Круг пожелал сам избрать всех чинов походного войска и потребовал также уплаты давно удерживаемого старшинами жалованья. Казаки попытались жаловаться на старшин царским «ангелам-утешителям»: Дурново и Давыдову. Те ответили приказом хватать и ковать в кандалы жалобщиков: они полагали, что с выборными начальниками, или с назначенными, с жалованьем или без жалованья казаки должны были выступить в поход. Это вызвало такое ожесточение народной партии, что уже в марте 1771 г. возник среди казаков заговор с целью перерезать старшин и их приверженцев, и всех их друзей и потатчиков из регулярной команды (российского оккупационного строя). Заговор был открыт. Снова начались аресты и пытки (допросы с «пристрастием»).

30 дек. 1771 г. Давыдов был в Яицке заменен ген.-м. фон-Траубенбергом, но не на счастье ни себе, ни казакам. И этот генерал принимая за дерзость и своеволие жалобы на атамана членов народной партии 9 янв. 1772 г. вернулся из Петербурга с письмом от графа Ив. Орлова на имя Дурново один из члеников царские сотник Кирпичников. Не успел он вер-

нуться, как атаман послал войскового дьяка Суетина арестовать того, кто осмелился на него жаловаться. Два казака, защищавших дом Кирпичникова, были арестованы, народная партия захватила в свою очередь «старшинского» казака Копеечкина. Стороны, стали взаимно требовать освобождения арестованных. Траубенберг и Дурново всецело поддерживали атамана и старшинскую партию. Траубенберг просто запрещал собрания народной партии, угрожая пушками. Дурново не пожелал явиться в Круг, отказал в разрешении Кругу переизбрать членов Войсковой Канцелярии, не пожелал отдать Войску войсковые суммы и распорядиться о выдаче казакам задержанного старшинами жалованья.

Делегат, вернувшийся из Петербурга, Кирпичников, первый предложил действовать «воинским огором», а сстник Краденов добавил: «на зачинающего Бог». Священник Афанасьев отслужил молебен о даровании победы Войску над его врагами.

Толпа в 3.000 чел., с сбразами, хоругвями и духовенством, при оглушительном гуле народа и звоне церковных колоколов, двинулась к атаманскому дому и Войсковой Канцелярии, окруженным орудиями и регулярными войсками. Артиллерия всегда давала солдатам перевес над казаками. Псэтому, занявши дома вокруг войскового майдана казаки, из за прикрытий, перестреляли канвоиров и, уже затем, бросились в атаку. Пушки были отняты, Траубенберг изрублен, Дурново жестоко ранен и спасен от смерти лишь двумя, прикрывшими его казаками. Изрубленный войсковой атаман Тамбовцев был вытаснен во двор и здесь у него, живого еще, вырвали сердце. Из регулярной команды было убито 60 чел., не считая старшин и казаков «согласной» партии. Казаки, содержавшиеся в тюрьмах, были освобождены.

Вечером того же дня Круг избрал трех народных «судей» для управления Войском, под именем «Войсковых поверенных». Следующие дни последовал ряд убийств и разграблений домов. Убит был Войсковой дьяк Суетин, писарь Июгионов и др. Откупивший у Войска кабаки отставной старшина Ос. Иванов был избит до полусмерти и брошен в тюрьму, дом его расстрелян из пушек.

Восстановивши народоправство, Яицкое Войско не отложилось от Империи. В сознании своей правоты, Войско уведомило оренбургского губернатора Рейнздорпа, что оно «учинило такой поступок» (вооруженное восстание 12 января) «не инаково, как в свою оборону». Войско было право и по существу и по форме: оно защищало войсковое право, и Траубенберг первый открыл огонь из орудий по казакам, шедшим на Войсковой майдан, на собрание Круга.

25 янв. 1772 г. на Яике был получен указ, данный из Военной Коллегии в ответ на донесения Дурново и Траубенберга еще задолго до январских событий. Предписывалось 82-х человек прогнать сквозь строй тысячного полка по 12 раз, непокорных разослать по разным местам, оставив при городе (т. е. Яицке) только тех, которые были сторонниками согласной партии. Исполнить такой указ было уже некому.

26 марта 1772 г. последовал указ Екатерины по поводу январского переворота на Яике. Екатерина писала: «Уже с давняго время Войско Яицкое будучи подущаемо несколькими беспокойными и общему благосостоянию завидующими своими казаками, зачинало быть в разврате...

Наконец... не токмо оказало оно явное непослушание, но и дерзнуло на богомерзкое убийство... г.-м. Траубенберга, войскового атамана и др. ..., а при всем том, упавляясь поныне самовольным и незаконным образом, пребывает в таком еще несообразном мнении, яко бы исполнило оно сям ужасным и ненавистным поступком наше соизволение»...

Екатерина ожидала, что казаки, «пришед в прежнее подданническое повиновение, выдадут сами главных зачинщиков»... Войско ответило 27 апр., когда получен был указ от 26 марта, челобитными на имя Екатерины и Наследника. Но уже в конце мая из Орен-

бурга вышло более 3.000 ч. войска под командою при-
сланного из Мссквы ген.-м. Фреймана.

Казики решили защищаться и просить подмоги у
киргизских ханов Жарули и Айчувак Салтана. Но
киргизы не прислали ни одного человека, а два сра-
жения данных казаками Фрейману на р. Ембулатов-
ке за несколько десятков верст от Яицкого городка,
показали, что иррегулярной кавалерии и тогдашним
казачьим пушкам не устоять против регулярной ар-
тиллерии.

Разбитое Яицкое войско отступило к городку и,
под влиянием слухов, что Фрейман зажигательными
снарядами сожжет Яицк, решило уходить с женами,
детьми и имуществом. Были планы бежать в Астра-
бадский лес или в Хиву.

Между тем, наскоро составившийся Круг прини-
мал спешно решения: послать в Петербург с повин-
ной к императрице 1000 чел., освободить бывшего
атамана и шестерых «виновных» старшин и послать
их и Фрейману с поклоном, чтобы города не жег. Тот
разуверил Войско, но, вступив в Яицк, занялся ареста-
ми предводителей и приверженцев народной партии.
Для начала было послано в Оренбург, в следственную
комиссию полк. Неронова: 14 сотников, 4 десятника,
26 казаков. Потом дошло до того, что в Оренбурге
пришлось занять под тюрьму и гостиный, и меновой
дворы, гауптвахту, подвалы домов.

Около 130 ч. были умерщвлены среди страшных
пыток: одних четверговали, других повесили «ребром
за крючья», иных растыкали по колям; тысяче каза-
ков отрубили носы и уши. Все это было, так сказать,
авансом, под горячую руку. Самая «эзекуция» состо-
ялась уже в Яицке: зачинщики восстания были нака-
заны кнутом и заклеяны, около 140 ч. сослано в
Сибирь; менсе виновных были плетью и сдали в сол-
даты. Прочие должны были учинить вторичную при-
сягу. Под горячую руку уничтожили прежнее казачье
правление и заменили комендантской канцелярией, ве-
давшей и казаков, и оккупационные отряды.

В марте 1773 г. состоялось постановление Воен-
ной Коллегии: «Войсковой Канцелярии и Войсковому
Кругу, которые по Высочайшему Ея Имп. Вел. указу
уже и отрешены, **не быть навсегда**, а учредить тамъ
Яицкую Комендантскую Канцелярию, определя ко-
менданта чина полковничья (с принадлежащими к не-
му по гарнизону также и потребными по гражданству
чинами и на содержание их суммою), которому и
быть над всеми находящимися там воинскими чина-
ми и Войском Яицким главным командиром; в при-
сутствие же с ними в ту Канцелярию, для управления
по Войску Яицкому всех дел и распоряжков, опреде-
лить, хоршего состояния трех войсковых старшин».

Такова была новая «конституция» бывшей Яиц-
кой республики. По распоряжению Оренбургского гу-
бернатора Рейнздорпа, главное начальство поручено
было подполковнику Симонову, а в товарищи к нему
(по казачьим делам) были назначены: войсковой стар-
шина Мартыян Бородин и старшина Мосовщиков.
Экзекутором-исполнителем комендантских велений —
стал обер-офицер регулярной армии.

Жестокая социальная борьба на Яике, полувеко-
вая тирания войсковых атаманов, почуявших свою
свободу от воли Круга и стремившихся к умалению
власти Круга; эгоистическая политика старшин, угне-
тателей всйсковой «черни»; сознательная политика
имперской власти, направленная к освоению метропо-
лией бывшей вольной республиканской колонии — все
это соединилось вместе на погибель последним остат-
кам яицкого народоправства местной областной авто-
номии. И все-же, яицкое казачество не считало свою
борьбу проигранной, народоправство — поверженным
в прах, свою историческую роль сыгранной.

Противопоставляя Яик империи Всероссийской, го-
воря языком 16-17 веков, яицкие казаки, вдали от
главного городка Войска, по хуторам, по уметам, по-
вторяли: «То-ли, братцы, еще будет! Так-ли мы трях-
нем Москву»...

Праздник Вольного Казачества

В БЕЛГРАДЕ

Как и всегда, праздник 10 декабря, день выхода в
свет первого номера журнала «ВК», день возрожде-
ния казачьей национальнй мысли, праздновался бел-
градскими в. к. с особым торжеством. Так как 10-е
декабря приходилось в будний день — праздновали
8 декабря, в воскресенье, в помещении в. к., красиво
декорированном трудами станичника Г. С. Козлова.
При входе в зал взор каждого обращался на лице-
вую сторону, где на фоне громадного в. к. флага, за-
нимавшего целую стену от потолка и до пола, крас-
совались в. к. гербы и портрет Походного Атамана.
Разнообразие цветов и казачьих эмблем сразу созда-
вали праздничное настроение. Каждый чувствовал,
что он попал в свою родную казачью семью, на ка-
зачий праздник.

В шесть часов вечера, после первого общего при-
ветствия, был прочитан небольшой доклад П. М. Мерз-
линым о зарождении казачьей литературы. Журнал
«ВК», сказал Мерзликин, пробудил не одного казака, не
один талант. Чуть ли не каждый десятый в. к. пишет
на страницах журнала... Казачество теперь имеет свою
литературу... Каково значение ее для будущего казачь-
его государства, доказывать и объяснять не приходится.
Всем известно, какое значение имеет литература в
жизни народов.

Как и иллюстрации к докладу, были прочитаны Д.
Родионовым и М. Морозовым произведения казачьих
поэтов — Б. Кундюкова, Ю. Гончарова, П. Поля-
кова и др.

Далее выступает станичник Н. Дмитренко, который
о значении дня 10 декабря говорит следующее:

8-я годовщина выхода в свет первого номера

журнала «ВК» празднуется во всех странах, где только
есть хоть маленькая горсточка вольных казаков.
Праздник этот уже перешел в традицию, которая бу-
дет храниться казаками в будущем и приобретет та-
кое же историческое значение, как и др. важные мо-
менты из казачьей жизни, имевшие то или иное зна-
чение в казачьей истории и влиявшие так или иначе
на казачью судьбу. В жизни человека, как и в жизни
народов, праздник исторический имеет то значение,
что он посвящается какому либо важному случаю,
имевшему влияние на дальнейшую жизнь. В такой
день целые народы и государства бросают обыденную,
повседневную жизнь и обращаются душой к празд-
ничному событию. Так и в наш день, 10 декабря, мы,
вольные казаки, бросая повседневные заботы, личную
жизнь, — обращаемся душой к нашему событию:
дню выхода в свет журнала «ВК».

В этот день, 10 декабря 1927 года раздался клич
на страницах журнала, зовущий Казачество к седой
старине, к самому себе, к служению казачьему на-
роду, зовущий к возрождению бывлой казачьей само-
стоятельности. Представляя казакам Казачество, как
ценность, которая стоит того, чтобы за нее бороться
и принести в жертву все то, что есть дорогого, жур-
нал «ВК» пробудил до того времени блуждавшую в
потемках казачью национальную мысль, пробудил со-
знание своего достоинства, как народа равноправно-
го, имеющего славное историческое прошлое, имеюще-
го право на свою самостоятельную жизнь, право уп-
равлять всем своим достоянием по своему усмотре-
нию. Этот день фактически возродил Казачество, го-
товит его к борьбе, дав надежду, что не все еще утер-
яно, что «есть еще порох в пороховницах». С выхо-
дом журнала «ВК» Казачество, блуждавшее до того

времени по чуждым ему партиям, жившее чужими интересами, клавшее головы за чужие идеи — почувствовало и поняло, что у него есть свои ценности, за которые и только за них следует бороться, только им отдать свои жизни, ибо этот долг накладывает на него его казачье происхождение, само имя казак. Взаблудоражившись, воспрянувшее Казачество начало искать самого себя, начало рыться в своем прошлом, искать исторический фундамент, чтобы подвести его под свой будущий новый дом. Фундамент этот найден. Государство казачье будет крепко, ибо краеугольным камнем в этот фундамент лег казачий национализм, служение самому себе. Ошибочно было бы предполагать, что успех казачьего дела зависит только от его физической силы. Есть еще другая сила, сила духовная, двигающая людей на борьбу. Вот эту духовную силу, заключающуюся в политическом самосознании Казачества, и пробудил в нас, и во всем Казачестве, день 10 декабря. Этот день пробудил в Казачестве уверенность в своих силах, уверенность в своем будущем, толкнул Казачество на духовную жертвенность, а в будущей борьбе толкнет и на физическую. Неоспоримо, что в недалеком будущем Казачеству предстоят нелегкие испытания и потребуются новые жертвы: события могут наступить так же неожиданно, как и в прошлом, и Казачеству нужно быть готовым к ним, к гетовым, особенно политически — решить свою казачью судьбу. Нам, казакам, для решения своей судьбы так, как этого хотим мы, нужна своя, только казачья, «шлях дороженька», ведущая к государственной самостоятельности. Казачество должно понять, что только при государственной самостоятельности возможно возвращение и восстановление своих политических прав и достоинства. В составе какой бы России Казачество не было, все равно судьбой его будут распоряжаться русские, нам останется только покорно слушать, а что это значит — Казачество уже испытало на своем горбу. Казачество поняло, что для него главной и конечной целью является благо своего народа, своей земли, своего государства.

Зародившись как политическая организация, ВК на страницах журнала неустанно проповедывает казачью идею, чтобы она вошла в кровь и мозг Казачества, чтобы Казачеством овладело только одно стремление: стремление к своей самостоятельности.

Все эти идеи, основанные на историческом прошлом, пробудил и поставил во всей их широте прямо и открыто перед Казачеством день 10 декабря, день выхода в свет первого номера журнала «ВК». Этот день, повторяю, поставивший перед Казачеством открытое разрешение его судьбы, возродивший казачий национализм, стремление к свободе, освобождение из-под гнета какой бы то ни было России, по праву является днем национального казачьего праздника, ибо в этот день Казачество обрело самое себя.

Вот политическое значение праздника 10 декабря. Празднуя его, мы невольно обращаемся к тому, что явилось причиной этого дня, этого праздника, к своим Родным Краям, к Тихому Лону, к Вольной Кубани, к Бурному Тереку... к мученикам казакам, находящимся под властью красного лаптя, протягивающим к нам руки, моля о помощи, о спасении. Руку спасения мы подадим только тогда, когда будем думать, будем бороться только за них, за свои Края, за свое государство, а не за «нелетимую». Невольно в этот день, день пробуждения, мы обращаем свои мысли, свои взоры и сюта, к тому светочу, который влит в наши души наекту, дает нам силы на дальнейшую борьбу. Мы обращаем свои мысли ко всем борцам за освобождение Казачества, к первому основоположнику идеи Вольного Казачества.

В казачий праздник, клая на алтарь служения Родным Краям, своему государству Казачьи самих себя, мы с уверенностью можем сказать: Казачество живо, Казачество исполнит свой долг.

С непоколебимой верой в свое будущее мы, вольные казаки, воскликнем в этот день так, чтобы эхо донеслось до родных счагов:

Слава Родным Краям! Слава мученикам казакам

на родине! Слава нашему избранному Походному Атаману ВК И. А. Билому! Слава всему Казачеству!

По окончании официальной части праздника, все присутствующие были приглашены к скромной закуске, устроенной трудами вольных казачек. Первый бокал, выражая искреннее желание всех вольных казачков, поднял П. М. Мерзликин за Походного Атамана ВК инж. И. А. Билого. Дружными криками: Слава! Слава ему! Слава Походному Атаману! ответили вольные казаки.

Н. Дмитренко подымает бокал за все Вольное Казачество, сливающееся в этот день в одно целое, за французский, югославянский, германский и др. в. к. округа.

В ответ несется: Слава всем борцам — в. казакам!

А. П. Черный своей игрой на бандуре перенес нас в далекую родину, в степь бескрайнюю и широкую... Склонив головы, слушали казаки, как страдает Казачество под красным игмом... А затем — песня широкая, бескрайняя, как и казачья степь, взбудрила кровь... Почувствовалась сила казачья... готовность идти на бой... возвращать свою родину Казаккии казакам...

(Соб. кор.)

В Б О Р Е

Приближался день 10 декабря — праздник казачков националистов. Мы, как и всегда, готовились скромно отметить этот день, собраться и подумать свою казачью думу. К этому дню станица постановила подарить в местную церковь образ Св. Николая Чудотворца, какового она до сего времени не имела (и где мы не раз находили себе утешение в нашем тяжелом изгнании).

На праздник наш был приглашен из Белграда и уважаемый нами, неутомимый борец за казачью идею, Николай Федорович Букин. Так как 10 декабря приходилось в рабочий день, то празднование этого дня, согласием нашим, было перенесено на воскресенье 8 декабря. 7 декабря в 10 часов утра прибыл к нам Н. Ф. Букин, которого встретили на станице атаман Борской в. к. станицы И. М. Черкашин, есаул Ткаченко и Н. Кыш.

8 декабря в восемь с половиной часов утра станица, во главе с помощником окр. атамана Н. Ф. Букиным, собралась на квартире атамана станицы, откуда и пошли все в церковь. На полнотомой церкви иконе внизу на раме позолотой сделана надпись:

«Поларок церкви Св. Георгия от казачьей национальной станицы. Бор. 10 декабря 1935 г.» Несли икону два старых белоголовых казака. До освящения иконы была поставлена с левой стороны царских врат...

Хозяин собрания, Сергей Мальтыз, на скромные средства, прекрасно сервировал стол в одном из местных ресторанов. Помещение было украшено портретом нашего Походного Атамана И. А. Билого.

В уютном казачьем уголке начались разговоры о том, как было раньше, как есть сейчас и как должно быть в дальнейшей казачьей жизни. Первым поднял тост атаман станицы Черкашин:

— Братья казаки! Как атаман станицы, поздравляю вас с нашим национальным праздником. Этот знаменательный день, связанный с выпуском в свет первого номера журнала «ВК», день, когда Казачество смело и горло заявило, что им еще не сказано последнее слово, — стал нашим главным и величайшим праздником. Через него, нашего проповедника, узнать мы многое, что умышленно скрывали от нас те, кому мы невыгодны были как свободолюбивые соседи. Сегодня, в восьмую годовщину нашего проповедника, собравшись мы в тесную и дружную семью, горлую своим сознанием, что мы — народ, который хочет остаться народом, а не тем, кем нас хотят сделать наши неприятели. Сегодня развивается наше знание национального самосознания, зовущее всех казачков на борьбу за лучшие идеалы Казачества. Сравнив себя в недавнем прошлом и в настоящем, мы с радостью отмечаем, что восьмилетняя работа националь-

ного движения прошла не даром. Приветствуя вас, станичники, с праздником, я поднимаю бокал за его главного виновника Походного Атамана Игната Архиповича Билого. Слава ему!

— Слава нашей родине Казакки! Слава всем вольным казакам! — произнес атаман и все отвечали: — Слава, слава, слава!

За ним говорит представитель окружного правления **Н. Ф. Букин**. Его слово до глубины души тронуло собравшихся.

В своей речи **Н. Ф. Букин** остановился на главных этапах борьбы нашего народа за самостоятельность. Подробнее остановился он на характеристике казачьих парламентов в минувшие годы русско-казачьей борьбы, на множестве причин нашей неудачи, указывая их для того, чтобы в будущей работе не повторять подобных ошибок.

...Если наши ошибки в прошлом, говорит **Н. Ф. Букин**, были причиною влияния 200 с лишним лет русской политики в отношении нас, то повторение тех же самых ошибок в будущем можно будет объяснить только нашим поверхностным отношением к великому делу восстановления казачьей государственности. Во избежание подсобных ошибок наш долг, как имеющих полную возможность не только думать, но и говорить о казачьем национализме, — изучить прошлое нашего народа, сравнить его с течением настоящего времени и суметь безошибочно сочетать все нужные условия на тяжелом пути создания казачьего государства теперь и в будущем.

Источником для этого является наш светлый путеводитель — журнал «ВК» с его ценным содержанием духовного богатства нашего рыцарского народа. Каждый номер его мы ожидаем с трепетом приятного волнения, каждый номер его мы с благоговением берем в руки как наше национально-политическое Евангелие, — с таким чувством мы должны и изучать все, что касается казачьего вопроса, все должны взвешивать и «за» и «пртив», чтобы в будущем каждый шаг вперед был сознательно верным, безошибочным.

Далее оратор подробно останавливается на значении национально-политической литературы вообще и в частности — литературы Вольного Казачества.

— Национально-политическая литература ВК, говорит **Н. Ф. Б.**, за короткий период работы на возрождение национального казачьего самосознания фактически совершила в душе сходящего уже почти со сцены казачьего народа переворот, совершила духовную революцию, заставившую казачество ориентироваться на самих себя;

наша национально-политическая литература раскрыла закабаленному русской школой и политикой нашему народу глаза на его фактическое прошлое, изучая которое, мы находим истинные пути и пути единственно возможные к спасению казачьего народа...

Свою первую, приветственную, речь **Н. Ф. Букин** закончил провозглашением тоста за здоровье нашего Походного Атамана, желая ему успеха в тяжелом крестном пути отыскания свбоды Казачеству. Все присутствовавшие в.отгет, стоя, пропели большое многолетие и прокричали: «Слава ему!»

Третьим взял слово есаул **И. А. Ткаченко**:

— Братья казаки, сегодняшний день у нас — двойной праздник. Первое — мы празднуем свой национальный праздник, а другое — имеем честь видеть в своем кругу многоуважаемого нами Николая Федоровича Букина. Идея независимого Казачества, за которую мы боремся, родилась не вчера. Казачество имеет свою многовековую, славой увенчанную, историю. Но, станичники, каждый народ от древних времен умеет в своей среде изменников. Так и Казачество имело своих изменников в лице некоторых своих старшин, помощью которых Казачество, после долгих, кровавых и славных бсев за свою национальность и казачью свободу с русскими угнетателями, потеряло надолго свою независимость.

В 1917, 18 и 19 г.г. Казачество имело вновь все данные для образования самостоятельного казачьего государства, как это сделали поляки, латыши, финны и др. народы, бывшие под властью России. Но опять же

измена некоторых наших старшин и наша неподготовленность к таким большим событиям не позволила нам создать свое государство. В эти годы мы не все вполне представляли себе, какими путями должно идти Казачество, чтобы прийти к своей собственной казачьей хате. Только уже здесь, за границей, благодаря идейным борцам за Казачество, многим из нас открылись глаза, которые и увидели путь, каким Казачество должно идти. Мы, станичники, не должны, да и не пойдем ни вправо ни влево. Мы пойдем золотой серединою. Московская дорога нам не нужна. Мы имеем свой широкий казачий шлях. Шлях казачий, широкий шлях, славой оваянный, в достаточной мере полнотой уже следами дорогих нам казачек. Только казачий шлях безусловно всех нас приведет до казачьей хаты. Но для этого нужно дело, а не слово, ибо идея без дела мертва. Дело же нужно делать дружно, сомкнутыми рядами. «Только сильный и сомкнутый удар дает победу» — так учит нас § 6, приложение 11 к стрсевому конному уставу. Так вот, станичники, за наших путеводителей в казачьем деле, представителем которых является здесь многоуважаемый нами Николай Федорович, за широкий казачий шлях и за сильную казачью сомкнутость я и предлагаю выпить до дна казачью чарку.

Следующим говорит **Н. М. Кныш**:

— Станичники! В сегодняшний день нашего большого праздника, когда мы собираемся, как говорят, подвести итоги произведенной работы, мы особенно должны обратить свое внимание на то, что есть еще среди нашей эмиграции непрозревшие наши же братья казаки. Для нас не является тайною то, что большинство из них есть, я бы сказал, духовные жертвы той части казачьей старшины, на которой влияние русской школы сказалось гораздо сильнее, чем это можно было предполагать. Этих братьев, малодушных и слабовольных, мы должны поддержать нашей пропагандой и тем направить их на путь Вольного Казачества. Будем работать над тем, чтобы вырвать их из-под влияния рабских натур и тем самым поможем в деле великом и нашим главным борцам за казачью долю. Завет наших предков, сданных жизнью свою за свободу Казачества, — Казачья Воля, — мы должны исполнить, должны приложить все к тому силы. Идея наших лучших борцов-националистов, погибших в период 1917-1920 г.г. жила в наших сердцах. За эту идею, за покой наших жертв в родных степях — вперед, станичники! С закаленной душой в нашей вере в успех Вольного Казачества, за родную Казаккию; за волю казачью сплотимся все около нашего Походного Атамана, нашего законного избранника. Слава ему!

Слава, слава, слава!!! гремела зала.

После этого было еще несколько речей, которые все сводились к тому, что казаки должны все стать на свей национальный путь и что только в этом наше спасение.

Особенное внимание заслуживают речи станичников — **Гальченко** и **Назаренко**.

Первый говорит:

...Душу мою в изгнании тяжелом согревает только журнал «ВК», только там проводимая святая идея о казачьей самостоятельности поддерживает меня, старца казака. Верьте мне, убежденному селиноу, что Казачеству спасение только в самосопределении. Если казаки будут распозаться по чужим партиям, погибнет Казачество бесцельно, славное Казачество, чьи боевые станишны истории свеяны мировой славой. Теперь все наши боевые способности мы должны направить к тому, чтобы все Казачество, духовно, илейно обелиенное с своими друзьями сселями лобились освобождения от этой погани, что наводнила наши прекрасные степи...

И. С. Назаренко в своей пространной речи указал главным образом на долг казаков, полсказываемый им подвигами национальных героев казачьих в минувшее лихолетие. Речь, проникнутая безграничной любовью к своему народу, произвела глубокое впечатление на всех. Нужно сказать, что **И. С. Назаренко** отличается именно тем, что всем нам так необходи-

мо — фанатической любовью к национальному казачьему делу. Свою любовь он особенно подчеркнул отношением к делу воспитания своих дочерей в духе национальном, что заслуживает особенной похвалы и является прекрасным примером для подражания.

Выступили перед собранием и две его дочери, сумевших в неведении о своей родине сродниться с тою, по ней и жить мечтою о возвращении на ее просторы.

Младшая, четырехлетняя Таня, продекламировала первый стих Кубанского гимна. Впечатление было, конечно, очаровательное. Старшая — десятилетняя Оля, с чувством глубокого молитвенного настроения продекламировала целиком этот же гимн. Уменьше декламировать и неподкупная любовь к своей родине вызвали бурю продолжительных аплодисментов и слезы.

Следующая декламация была новой станицы, по происхождению югословенки, сумевшей полюбить Казачество и иногда говорить в защиту его интересов. Это — супруга нашего казака, Любовь Размета. Она декламирует стихотворение на сербском языке написанное ею и посвященное в казакам ко дню праздника. Станица ответила ей громкими аплодисментами и выпила за здоровье казачек — там, на родине, и здесь, в изгнании.

Празднование своего великого праздника с особым подъемом национального духа продолжалось с половины одиннадцатого дня до половины одиннадцатого вечера.

Декламация, пение песен хором, пение солиста-джигита, казачек, лезгинка — создали веселую программу вечера.

На отделение танцев станица пригласила небольшой оркестр. В веселье не забывая станица и тех своих станичников, кто был вынужден по долгу службы провести свой праздник в руднике под землей, на глубине 300 метров.

В пять часов утра станица проводила до поезда помощника скр. атамана, выразив ему благодарность за посещение станицы.

Сообщил есаул **И. А. Ткаченко**

В БУХАРЕСТЕ

Вольноказачья станица в Бухаресте, по примеру прошлых лет, отпраздновала вольноказачий праздник — день выхода в свет первого номера журн. «ВК».

Так как знаменательная дата 10 декабря пала в этом году в будний день, то вольными казаками была отпразднована в праздничный день, т. е. в свободный от обязательной работы день.

В одиннадцать с половиной часов утра был отслужен молебен. На молебне присутствовали почти все вольные казаки. Кроме в. казаков, пришли также казаки, по тем или иным причинам, не состоящие в станице. Было несколько человек украинцев, пришедших из-за солидарности к своим историческим соседям и ссызникам казакам.

После молебна все присутствующие были приглашены в специальную залу одного из больших ресторанов, где была уже приготовлена холодная закуска.

С приветственными речами выступили: исполняющий должность окружного атамана **С. М. Маргушин**, казначей станицы **А. И. Солдатов**, заместитель станичного атамана **Я. К. Дулимов**. Главный писарь **В. Ф. Дремачев** отсутствовал по неотложным делам в провинции.

На краткие, с сильным душевным подъемом, приветствия и тосты за здоровье всех вольных казаков и за их вождя, Походного Атамана **И. А. Билого**, — присутствующим было отвечено дружным ура и аплодисментами.

Кроме правления, с приветствиями выступили: боевой хсрунжий («из старых вахмистров») донец **А. Бабкин** и молодой казак (тоже донец) **А. Ситнигов**.

После официальной части праздника станичный хор под управлением **А. Гаткича** (астаханец) исполнил несколько казачьих песен. Под аккомпанемент хора были потом казачьи танцы. В танцах особо выделялись: молодой казак **Н. Персиянов** (сын бывшего

станичного атамана на Дону) и старый казак-кубанец **М. Снопко**.

Ко дню праздника правлением получены письменные поздравления от: 1. Представителя ВК в Галае **А. К. Бабкова**, 2. Хуторского атамана вольн. каз. хутора **И. Сметанкина**, 3. Хуторского атамана вольн. каз. хут. под'есаула **А. Чекунова**, 4. От **В. П. Елисеева** (Клуж), 5. Вольн. каз. хутора в районе Рахова, 6. Хуторского атамана вольн. каз. хутора (Белу) **А. Алфеева**, 7. Д-ра **В. Трепке** (пред. Украин. эмигр. комитета в Румынии), 8. Полковника **Пороховского**, 9. Известного журналиста и украинского деятеля **Дмитра Геродота**, 10. Лично передал привет от вольн. каз. куреня имени **Н. С. Рябова** подх. **А. Лашко**.

Большинство пожеланий и приветствий говорит также о необходимости оформления округа в Румынии, согласно статута ВК. Исполняющим обязанность окружного атамана **С. М. Маргушиным** по этому поводу принимаются соответствующие меры.

Праздник, в общем, прошел прекрасно. Конечно, там, где собирается общество, всегда бывают некоторые лица из них недовольных. Было это и на нашем празднике. Две-три дамочки были «обижены»; потому что их не посадили на «почетные» места.

Фотографический снимок, ввиду туманной и дождливой погоды, фотографу, при всем его старании, сделать не удалось.

В заключение следует отметить энергию и образцовую распорядительность, в связи с устройством национального казачьего праздника, заместителя станичного атамана **Я. Дулимова**, а также и его помощников — **Н. Воробьева** и **Н. Персиянова**.

(Соб. кор.)

В КОЛОМБЬЕ

Еще задолго до 10 декабря в. к. местного в. к. хутора решили собраться в этот день, чтобы достойно отметить 8 годовщину своего национального журнала «Вольное Казачество».

В 9 часов утра 10 декабря в. к. свободные от фабричной работы, собрались на квартире своего хуторского атамана.

Специально дексированная к празднику комната. На стене портрет Походного Атамана ВК инж. **И. А. Билого** (раб. хут. атамана), украшенный национальными флагами Казаккии и нац. лентой.

Хуторской атаман, поздравив собравшихся в. к. с праздником, предложил решить некоторые текущие вопросы из хуторской жизни, после же в своей короткой, но ясной и убедительной речи обрисовал историю зарождения казачьего национального движения в прошлом, этапы в. каз. мысли в эмиграции, закончив словами: «8 лет прошло с того дня, когда впервые раздался голос вольных казаков, когда прерванье годами Каз. Нац. движение снова воплотилось в реальную форму, когда журнал «Вольное Казачество» начал впервые проникать в каз. эмигрантскую массу, зовя ее к единению и жертвенному служению Казачеству. Казачьему патриоту, редактору журнала и Походному Атаману инж. **И. А. Билому** казачье спасибо за его работу на благо Казачества. Слава ему!

Дружное «Слава ему» было ответом со стороны присутствующих.

Хозяйкой дома, госпожей Варваровск была поднесена собравшимся чарочка виноградной, а после маленького перерыва хуторской атаман делает доклад на тему: «Казачья Нация и Казакция».

После доклада хозяйка дома просит к столу. За обедом в. к. в дружеской беседе вспоминали лета минувших дней. Казак Ончченко продекламировал стихотворение **И. А. Скубана** «Казак». Дети хуторского атамана Арнольд и Жебмен декламацией стихотворений казачьих поэтов приятно удивили собравшихся.

Не обошлось и без песен. Хуторские песенники, Пустошкин и Сысоев, увлекли за собой других. Мощно лились казачьи песни и так не хотелось расхотеться... Но, уже 5 часов вечера, а кое кому из собравшихся в 8 часов — на фабрику...

Да здравствует Казакция!

(Соб. кор.)

Казачья эмиграция

В. К. во Франции

ПО В. К. ОКРУГУ

1) С Новым Годом, с новым счастьем, братья вольные казаки!

2) В наступившем году, дерзая, будем стремиться к реальному осуществлению нашей заветной цели — освобождению Казачества и созданию казачьего независимого государства — Казаккии.

3) Зачисляю в списки округа: казака ВВД — К. Ф. Скобелева, казака ВВД — В. Джигатенсва, казака ВВД — В. С. Большова, казака ВВД — Т. В. Шлыкова, казака ВВД — Т. А. Медкова, казака ККВ — Лисовец, казака ККВ — И. З. Машлыкина и ур. Ставропольской губ. — В. А. Башкатова — всех с 15 декабря 1935 г.

4) Настоящим обращаюсь с просьбой ко всем в. к. организациям и стдальным в. к., придти на помощь в. к. Т. П. Рубакову, члену в. к. хутора в Пеаже, похоронившего недавно своего брата, и благодаря этому оказавшемуся в крайне тяжелом материальном положении, в виду больших денежных расходов на болезнь и похороны неработавшего брата. Верю, что призыв будет услышан, ибо наш принцип «один за всех, все за одного». Собранные деньги прошу направлять по адресу атамана в. к. хутора имени Б. Кундюковца в Пеаже — Н. И. Варварова:

M-r Varvaroff. Le Colombier par St. Morice de l'Exile (Isère).

1 января 1936 г. Окружной атаман А. Ленивов

В ПАРИЖЕ

12 сего января Парижская ВК имени А. И. Кулабухова станица устроила открытое собрание, на котором Походный Атаман ВК И. А. Билий сделал доклад на тему: «Задачи и роль казачьей эмиграции в предстоящей освободительной борьбе». (См. выше).

Несмотря на отвратительную погоду (целый день шел дождь) послушать доклад собралось до 50 человек.

После доклада станичник Желтухин (из «Лиги Возрождения Казачества») начинает свое слово тем, что доклад его не удовлетворяет. Нет в нем реально-го. Кроме того, не согласен он с докладчиком и тогда, когда он зовет Казачество идти в будущую борьбу «ва банк». Это для Казачества опасно. Надо маневрировать... Нельзя здесь, за границей, ставить себе и окончательных целей борьбы. Надо вернуться домой, а там тогда и решим, что будем делать.

Ш. Н. Балинов начинает свое слово тем, что для него ничего нового докладчик не сказал, после чего начинает говорить не то от имени «Центрального правления», не то излагать его, «Ц. П.», точку зрения. Все свелось к «философии» на тему о современном международном положении. Это был пересказ, только в иных выражениях, того, что только что сказал докладчик в своем вступительном слове и что оппонент прочел в последних газетах. Не обошлось, конечно, и без некоторых «страстей». Не касаясь темы доклада, г. Балинов говорит о свих «заслугах» перед ВК, о прогнозах, «ими» сделанных раньше и пр. Только в самом конце говорит ст. Желтухину, что тот не прав и что в казачьем вопросе нужна ясность, а не лавирование. Иными словами, повторил то же, что говорил и докладчик.

Грузин Абуладзе спрашивает: если среди русских найдется группа людей, которые, вместе с казаками, пожелают бороться с большевиками, чтобы потом, по освобождении казачьей земли, использовать ее, как плацдарм, для новой борьбы с большевиками во Всероссийском масштабе, то пойдут ли казаки на такое соглашение?

Ст. Бударин спрашивает: А что будет, если идея ВК, которую проповедует докладчик, не найдет со-звучия казаков, оставшихся там?

Докладчик сначала отвечает на вопросы. Первому стбчает ст. Бударину:

Когда мы начинали свое дело, дело проповеди казачьей государственности, то нас было столько, что мы могли все поместиться в небольшой комнате, а теперь нас, казаков националистов, при всем желании, в одной комнате не разместишь. Если бы все инициаторы национальных, освободительных или революционных движений наперед думали, что у них не будет последователей, что за ними никто не пойдет, то никто бы ничего никогда не начинал. Мы знаем примеры великих национальных движений, начатых буквально единицами. Кто то должен был начать и казачье национальное освободительное движение. Мы верим в свою идею и в свое дело. Как встретило оно созвучие у казаков здесь, так, мы в том глубоко убеждены, оно встретит, а может и встретило уже, полное созвучие и там. Казачество не хочет исторически умирать, оно хочет жить, хочет жить своей собственной национальной жизнью. В этом залог того, что созвучие наших стремлений и желаний казаков, находящихся там, будет полное.

Отвечая на вопрос Абуладзе, докладчик говорит, что на его вопрос у казаков может быть только один ответ — нет. Казачество уже один раз пробовало иметь подобный «союз», а что из этого вышло, все вы знаете. Повторять то же самое снова, значит проиграть еще раз. Казаки на это больше не пойдут.

Уже второй раз, продолжает докладчик, г. Балинов начинает свое слово на моих докладах вступлением, что ничего «нового для него в докладе нет». Я и не собирался говорить что либо для г. Балинова новое. Если у г. Балинова, как он сказал, на моих докладах создается «тяжелое чувство», то выход из этого положения есть весьма простой: или на такие доклады не ходить, или показать, как надо делать доклады лучше.

Балинов начинает с места перебивать докладчика. Т. к. г. Балинов не мог спокойно слушать замечаний докладчика по существу его выступления; т. к. «реплики» свои он подавал тоже «нервно» и вел себя не всегда сдержано, то докладчик отказался отвечать ему в данном случае и во всех случаях будущих. Очевидно, закончил он, мы с г. Балиновым спокойно говорить не можем...

Отвечая станичку Желтухину, докладчик говорит, что идти «ва банк» это значит, что в свое время казачьи патриоты должны будут стать сами в первые ряды, на первое место в борьбе за казачье дело и, ставши на первое место, идти до конца с одним желанием — победить. Да, Казачество должно будет напрочь все свои силы для достижения поставленных им себе целей. Нельзя, как говорили Вы, не иметь определенной цели, определенной программы. В прошлой борьбе как раз Казачество и боролось без одной яркой цели, а теперь вот пришлось искать ее уже в эмиграции. Неимение цели борьбы это и есть слабая сторона тех казаков, которые занимают выжидательное положение. Кто все время выжидает или лавирует, тот никогда не выиграет. Почему вы думаете, что напряжение всех своих сил или борьба «ва банк», есть неверное дело для Казачества? Какими же иными средствами Казачество может выиграть свое дело? Из прошлого мы знаем, что были в казачьей политике времена лавирования, знаем и во что это обошлось Казачеству. Нет, в нашем деле нужна именно ясность, нужна ясная цель и нужна ясная дорога к этой цели. Этим путем идет ВК, а другого пути для Казачества нет, заканчивает докладчик под дружные аплодисменты подавляющего большинства присутствующих.

Е. Я.

Р. С. Чтобы читателям был понятен смысл еще одной «стычки» моей с г. Балиновым и мой отказ от всякой полемики или словесных препирательств с ним

в будущем, хочу привести, как пример, один момент из его выступления 12 января, имеющий документальный характер и лишний раз свидетельствующий о том, что делать нам вместе с ним действительно нечего — мы стоим с ним на разных позициях.

Выступая после моего доклада 12 января, г. Балинов с большим возмущением говорил по моему адресу по поводу моей статьи «На темы дня», напечатанной в номере 1/5 «ВК». Его негодование вызвали следующие мои слова в этой статье:

«Организация жизни в казаков за границей может интересовать только нас самих. Никого другого это не интересует. Не интересует это и наших братьев там, которые ждут от нас не того, чтобы мы хорошо устроились за границей, а того, чтобы мы помогли им поскорее сбросить с себя путы московских оккупантов. Если бы была организована только жизнь вольных казаков, даже наилучшим образом, основной задачи ВК это не решит ни в какой мере».

Выступление г. Балинова по поводу этих слов не было случайным. Он принес с собою соответствующий номер журнала и сначала прочитал из него приведенные выше слова. Очевидно, что свое выступление перед тем он хорошо продумал.

Что касается меня, то я не только остаюсь при прежнем своем мнении, но готов его еще больше усилить. Считаю и считаю, что если бы мы только устраивали свою жизнь за границей, то наши братья там были бы больше чем недовольны нами. А может быть и проклинали бы нас...

Но если г. Балинов недоволен моими утверждениями, то, очевидно, он держится иного мнения. А это иное мнение гласило бы:

«Организация жизни в казаков за границей может интересовать не только нас самих. Интересует это и многих других. Интересует это и наших братьев там, которые ждут от нас, чтобы мы хорошо устроились за границей... И если будет хорошо организована жизнь в казаков за границей, то это и решит основную задачу ВК...»

— Как видит читатель, наши точки зрения с г. Балиновым слишком разные и говорить нам с ним не о чем. Должен только подтвердить, что и в прошлом между нами не раз происходили глубокие расхождения и не по одному вопросу.

Я, конечно, не могу вести ВК движение по пути г. Балинова.

И. Билый

В ЮЖИНЕ

В воскресенье 12 сего января состоялся сбор вольноказачьей станицы, на котором произведены выборы нового станичного правления.

Атаманом станицы избран станичник **Бочаров Дмитрий**, помощником станичного атамана (он же и станичный писарь) станичник **Орехов Илья**, казначеем — станичник **Грошев Куприян**.

Станичный атаман **Бочаров**

В ЛИОНЕ

4-го сего января под председательством хор. **Криштопы** состоялось общее собрание вольных казаков г. Лиона. Секретарь собрания ст. **Изварин** огласил повестку дня:

1. Отчет ревизионной комиссии. 2. Выборы правления на 1936 год. 3. Текущие дела.

Заслушав доклад председателя ревизионной комиссии есаула **Кувикова**, собрание нашло, что приходо-расходный бюджет союза ведется правильно.

Поблагодарив ревизионную комиссию и правление союза за хорошее ведение хозяйственных дел, собрание приступило к выборам правления на 1936 год.

Перед тем, как приступить к баллотировке окр. атамана **А. К. Ленинов** обращается к собранию и говорит: станичники, только что вы благодарили правление за образцовое ведение хозяйственных дел, а я, как окружной атаман, благодарю правление союза за правильное ведение дел политических, т. е. за рабо-

ту на пользу Казачества. От себя прошу всех казаков, находящихся здесь, просить старое правление остаться на 1936 г. Если здесь есть казаки, которые находят неудовлетворительную работу правления союза, прошу высказаться открыто.

Собрание просит правление остаться на своем месте и на 1936 г.

После этого председатель союза **Н. Н. Юров** благодарит казаков за доверие, оказанное правлению, и говорит, что только идея ВК дает ему силы работать на пользу Казачества после тяжелого труда на заводе. Далее говорит, что он, Юров, согласен остаться председателем, чтобы работать на пользу Казачества. То же самое говорит и секретарь союза **И. В. Мельников**, но добавляет, что ввиду увеличивающейся работы по союзу, очень трудно справиться втроем (председатель, его помощник и секретарь), а посему он просит собрание избрать еще одного члена правления.

Единогласно избираются первым помощником председателя **В. С. Криштопа**, а вторым **Е. Шаншиев**.

Таким образом правление Союза Вольных Казаков в г. Лионе на 1936 г. составляют: Председатель **Н. Н. Юров**, первый помощник **В. С. Криштопа**, второй помощник **Е. И. Шаншиев**, секретарь **И. В. Мельников** и казначей **Н. Ф. Калинин**.

Ревизионная комиссия: председатель **И. А. Кувилов** и члены — **Кулик** и **Пятилетов**.

(Соб. кор.)

В. К. в Болгарии

В ЛЕСКОВЕЦ

Е л к а

7 января с. г., на первый день Рождества Христова, Лесковский в. к. хутор имени атамана Ермака устроил детскую елку. Комиссия по устройству праздника в составе трех человек: ст. ст. **Ковалева**, **Токарева** и **Черкашина** блестяще выполнила свою задачу. Небольшой зал украшен был национальными лентами и флагами, среди которых находились — герб Казакии и портрет Походного Атамана. Елка была украшена всевозможными игрушками — исключительно трудов жен казачек.

В три часа дня начали собираться дети и взрослые. По желанию всех казаков елка была сфотографирована.

Дети с нетерпением ожидали часа, когда будет зажжена елка и придет дед мороз.

Под руководством матерей дети танцуют казачка и болгарские народные танцы. В пять с половиной часов вечера елка озарилась разноцветными огнями, хор пропел Рождество и вконец дети начали танцы. Только стук в дверь заставил их отвлечь внимание от елки. — Дед мороз! закричали они и бросились к двери навстречу деду (78 летний старик казак **Я. Е. Уклени**).

Кряхтя и охая, одной рукой опираясь на палку, а в другой неся корзинку с подарками, вошел дед Мороз. Все бросились к нему, усаживая его на стул. Каждый из детей рассказал деду по два стихотворения, за что тот награждал их подарками. Восемилетняя казачка **Гарбузова Анна** очень хорошо рассказала стихотворение «Ты, Мать, не плачь!» (Кснст. Полякова), за что и была награждена дружными аплодисментами.

После рассказов снова начались игры и танцы, продолжавшиеся до 8 часов вечера.

В 8 часов на столе начали появляться всевозможные рождественские закуски и вино собственного производства казаков. Полилась старинная казачья песня, сменяемая веселыми танцами. В беседах вспоминались родные станицы и хутора, а в песнях — бессмертный казачий героизм.

Давно уже казаки в г. Лесковец не проводили этот день, день рождения Младенца Христа, в такой приятной обстановке. В этот день как бы сроднились все, были забыты недавние мелкие счеты, все непри-

Казачья елка для детей Лесковецкого ВК имени атамана Ермака хутора

ятное предано забвению. Незаметно пролетело время до 2-х часов ночи, когда нужно было покинуть тот милый, уютный уголок. Поблагодарив хозяина и устроителей, гости начали расходиться, унося с собой самые лучшие впечатления.

Н. К.

Хуторской праздник

14 января 1936 г. в день Нового Года (по ст. ст.) казаки хутора Ермакова праздновали свой хуторской праздник. В том же помещении, где устраивалась детская елка, хуторяне собрались в 3 часа дня. Открывая празднество, хут. атаман **Пискунов** в краткой речи обрисовал значение праздника. Впервые инициативная группа в три человека задалась целью объединить казаков в гср. Лесковец в 1931 г. В начале работа эта была встречена с недоверием и даже с насмешкой, но постепенно, благодаря честному руководству и упорной работе, дух степного рыцаря атамана Ермака прсбудил казачье сердце. Из трех человек наша группа превратилась в хорошо организованную семью, в которую входят и честно исполняют свой казачий долг 18 человек непоколебимых, твердо верующих в свое правое дело, казаков националистов. Мы бедны материально, но все свои духовные силы отдаем тем, кто работает неустанно в продолжении 8-ми лет на пользу дорогого Казачества.

После официальной части началось празднество. Были пропеты Донской и Кубанский гимны. Как бывало в родных хуторах — богатый стол с вином; гармония, не раз заставлявшая унести в танце лихого казачка. Пелись и грустные казачьи песни, не раз сменявшиеся веселыми танцами. Пелись песни веселые, на смену которым приходит вальс. Все это заставило казаков забыть повседневный тяжелый труд. И только в три часа длинной зимней ночи неохотно начали расходиться для того, чтобы через три часа взяться за лопату вновь переворачивать чужую землю под виноградниками.

Но дух казачий не сломен и вечно будет жить он в рыцарях степных.

Н. Ковалев

Хуторское правление хутора им. Атамана Ермака в Лесковец от имени всех казаков хутора приносит искреннюю благодарность всем причастным поздравления с праздником Рождества Христова и Новым Годом.

Глубоко верим, что в самом скором времени все

казаки оставят взаимную вражду и объединятся в одну тесную казачью семью. Там, где сплоченность, там всегда обеспечен успех и живет вера в лучшее будущее.

Слава Казачеству!

Хуторск. атаман **Н. Пискунов**, писарь **Н. Ковалев**

В. К. в Югославии

ЕЛКА В СМЕДЕРЕВО

8 января, как и в прошлом году, Смедеревская В. К. станица устроила для своих детей елку.

К 7 часам вечера собралось в кафэ «Македония» больше 40 душ детей. Родители и присутствующие заняли свои места, предоставив детям свободно веселиться. Дети, под руководством станичника **Негреева** декламировали казачьи стихи из наших журналов и украинские. Многие из них удостоились получить от казака-старика **Пальцева** денежные награды, а маленькая дочь **Ступникова** (казачка), особенно веселившая всех детскими стихами, получила в награду от старика Пальцева шелковое платье. Это удваивало старания всех детей и каждому из них хотелось как можно лучше себя показать.

В промежутках дети пели песни и танцевали.

Не обошлось, конечно, и без казачьих танцев.

Дети, получив приготовленные для них подарки, начали расходиться по домам.

Весело и оживленно прошел вечер.

К концу вечера, пришло много сербов, которые очень интересовались детским весельем.

(Соб. кор.)

В. К. в Польше

ХОР «КУБАНСКИХ КАЗАКОВ» В ЛУЦКЕ

В конце декабря прошлого года, приехав в центр города (Луцка), в одной витрине я увидел зеленую афишу, с написанием большими буквами «Зеспул Кубаньских Козакув». Еще читаю: не обман ли зрения? — Нет, написано: «30 декабря 1935 года 8 часов 15 минут, только один концерт. С собственным концертным батачечным оркестром, с новым репертуаром, под дирекцией **А. Александрова**. Хор выступит в оригинальных козацких костюмах. Песни казаков: кубанских, запорожских, песни бурлаков Волги, Кавказа; романсы цыганские. Танцы: казачьи, черкесские. От-

Елка для казачат в Смедеревской ВК станице 8 января с. г.

ветственный импр. А. Павлов». Посередине афиши — фотография, на которой видны 15 человек, в черкесах и кубанских папахах.

Иду дальше. В центре города встречаю казаков — терцев и донцов.

— Что-ж, братцы, кубанцы приехали!

— Да, видели афиши и фотографии. Пойдем и другим казакам скажем, чтобы шли. Нужно поддержать казаков, свои же...

Встречаю и не казаков: — Кубанцы, Кубанцы приезжают! — слышу возгласы, вместо встречных приветствий.

— Пойдем, пойдем посмотреть и послушать наших казаков, — с дружелюбной улыбкой произносили мои знакомые.

С каким то парадно-торжественным настроением иду в городской театр, чтобы купить билет и, может быть, что нибудь узнать о казаках. В кассе спросил — нет ли в Луцке г. Александрова? Ответ получил, что будет в понедельник 30 декабря. Кассиру сказал, что я сам кубанский казак и хотел бы видеть казаков, поэтому оставил там свой адрес и просил передать его хористам казакам.

30 декабря уже 10, 11 и 12 часов, но никого из казаков нет. Выхожу сам в город, чтобы узнать, как обстоит дело с концертом. Снова встретился с казаками.

— Ну что, видели кубанцев?

— Нет, не видели, но в витринах выставленных фотографии — жиды, а не казаки. Только одна фотография, на которой выражение лица, как будто казачье.

Охота отпала идти на концерт, но купили билеты, так уж пойдем, посмотрим, как будут играть эти «казаки».

Вечером около театра толпилась масса народу. Мест уже не было, не только сидячих, но и стоячих.

Звонок. Публика заняла места, а через несколько минут, занавес поднялся. На сцене сидели 5 человек с балалайками и гитарами в руках. Одеты в черкески и папахи-кубанки. Издали как будто и черкески и папахи казачьи, но как то все не то, чересчур обвисли. а «казаки» не знают, что с ними делать.

Исполнение было -- и русское и украинское, а из казачьего — только одна песня «Из-за леса» и то, по

словам донцов, слишком исковеркано. Как кубанскую ленту, пели: «Ай у нашей во станице нова новина, не поймали шуки рыбы, поймали лина». Выступало вместо 15 человек, только 8. По наружному виду — два еврея, один, назвавшийся кубанцем станицы Пашковской, А. Павлов, тоже, по моему определению, сомнительный кубанский казак, а скорее еврей, а остальные — русские.

Такой состав хора «Кубанских казаков» вызвал у многих негодование, а во мне — бурю протестов.

После первого же акта, в обществе терца и донца, я отправился за кулисы и категорически запротестовал против того, что кто-то выступает под именем казаков, позоря это имя. Для меня понятным было, что эти «казаки» выступают под прославленным казачьим именем с целью наживы, а может быть это была просто проделка коварной руки с целью унижения казаков. Последнее предположение приводило меня в ярость. Я только теперь почувствовал полноту безграничной ценности, которую нам оставили, бесстрашно умирая, наши предки — это боевые казачьи знамена, а кровью их выписано родное нам имя **казак**. Этим именем мы, казаки, пользуемся все и носим его с гордостью. При обращении к казаку, на вопрос: кто он? — всегда получишь ответ — **казак**, а потом добавит и прилагательное: донской, кубанский, тецкий и т. д. Это имя нам оставили наши деды и прадеды. С ним связано: традиция, быт, воля и целый казачий народ. Наши отцы с честью умирали за это имя, чтобы деды и прадеды спокойно лежали — отдыхали в могилах и их кости не перезорачивались бы в гробах от того, что их славным именем кто то злоупотребляет... А наши отцы поручили хранить это имя нам...

В неудавшемся «Кубанских казаков» концерте, переполненность театра публикой, должна была бы радовать казачье сердце, что нами свет интересуется и жетает нам отдать должное, заслуженное. Но, одновременно, этот концерт наводит на казаков тоску, рождает в сердце протест, что нашим именем злоупотребляют и обманывают людей. Поэтому нам, казакам, против подобных выступлений нужно протестовать, а особенно теперь, когда мы имеем утвержденный статут на право организованного существования, мы должны постоять за свое имя и никому не позволять позорить его.

Инж. Ф. Штовхань

Думы и мысли

СЛАВА КАЗАЧЕСТВУ!

Слава Казачеству!.. Как много смысла и величия в этом приветствии. Приветствие это нам, казакам националистам, напоминает о былой славе нашей многострадной Родины. Оно призывает нас на защиту казачьей вольности и казачьих прав.

Слава Казачеству! — ясно нам говорит, что мы, казаки националисты, помним заветы казачьих героев, отдавших свою жизнь за Казачество, и гордимся нашей историей, попорченной московскими оккупантами.

Этим приветствием мы напоминаем друг другу о нашем долге перед Казачеством — быть готовыми ежеминутно к борьбе за Долю и Волю казачьего государства — Казаккии.

Эти святые слова дают силу и крепость нашим вольноказачьим убеждениям и полную уверенность в нашей победе над московскими оккупантами. Наступит время, когда «Слава Казачеству» пронесется по станицам, хуторам и куреням и по всем степным полям Казаккии.

Напрасно враги Казачества злобствуют и готовят ему конец. Они ошиблись. Могущество Вольного Казачества покоится на твердой почве. Черный Всадник разогнал тьму и уже стала видна заря свободы казачьего народа. Уже виднеются знамена ВК с лозунгами: за Свободу и Веру! Эти знамена — в могучих руках казаков националистов. Нет той силы, которая могла бы преградить дорогу Вольному Казачеству!

И близок тот час, когда казаки националисты с могучим приветствием — «Слава Казачеству!» — войдут в освобожденную и свободную Казаккию.

Слава Казачеству!

Мих. Махно. (Югославия).

ИЗ ДАЛЕКА...

...Выходи журнал «ВК» в 17-20 г.г. там, в Родных Краях, можно с уверенностью сказать, что теперь бы мы, казаки, не скитались бы за морями и океанами, а жили бы своей собственной, свободной жизнью...

Бессмысленно было пролить море казачьей крови. Десятки и сотни тысяч полегло казачьих головушек. А за что? — За возврат имений русским помещикам. Чорт же понес нас на Москву.

...Если бы мы и взяли Москву, то продержались бы в ней всего лишь несколько дней.

Казаков было в России всего только два с половиной процента. Нас не хватало бы расставить по одному взводу в каждом городе, а это было бы необходимо, раз уж там хотели бы остаться... А русский народ, от рабочего до профессора, был на стороне советской власти.

Во время Парижской коммуны в 1872 году генерал, командовавший правительственными французскими войсками, на глазах у всех солдат застрелился только потому, что его войска отказались стрелять в толпу. А в октябре месяце 1917 года юнкера Московского военного училища обратились к ген. Брусилову (быв. верховный главнокомандующий), с просьбой принять командование правительственными войсками, борющимися против большевиков, на что тот ответил: «Я с русскими солдатами не воюю».

Итак, сам верховный главнокомандующий засвидетельствовал, что на стороне большевиков воевал русский солдат, а нам, простачкам. Деникин, Богаевский, Филимонов и другие в своей печати преподносили: «смотрите, де мол, братцы казаки, русский народ ненавидит советскую власть и с нетерпением ждет, когда вы освободите его».

Вот в какое время необходимо было выходить Черному Всаднику.

Но, прошлое невосвратимо. Да послужит же нам этот печальный опыт хорошим наставлением.

В предстоящей борьбе будем бороться не за прекрасные усадьбы чужих помещиков, а за полную независимость Казачьего Государства.

Итак, вещей наш колокол — Черный Всадник — почаще выходи, звени, гуди и спящих буди!

Иван Комаров. (Австралия).

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Вот канул в вечность и 1935 год. Сижу и вспоминаю, что он принес казакам и что было в 1935 году? Год — это, ведь, большой человек... Принес он нам и радость и несчастье, хотя в несчастье — мы сами виноваты.

С самого начала года у нас, казаков националистов, пошли здесь раздоры. Окружной атаман в Болгарии, П. Н. Кудинов, никому не сказав, повел к расколу так трудно созданное казачье национальное дело. Прав он или нет, это уже видно, да и будущее скажет свое слово, но ясно, что дело казачье в некоторых местах здесь теперь хромает. Но, казаки националисты, твердо веря в свое будущее и будущее всего Казачества, не дадут врагам воспользоваться этим маленьким расколом и громко говорят, что Казаккии будет. И силу своих слов и веры подтвердили, собравшись на Казачий Круг и выбрав себе Походного Атамана, природного казака Билого. Это — радость казачья и угроза красным оккупантам.

Враги казачьего национального движения вида, что оно все более и более разростается, исполнились и начали заигрывать перед русскими казачками с их новым Донским Атаманом, «избранным» вместо умершего ген. Богаевского, и, не стесняясь ни в чем, стали всюду и везде «рекомендовать» казака-ванька графа гор. Петрограда — станицы Пятиизбянский (не все ли равно, ведь Петр. и Пятиизб. начинаются на букву П.). С момента «выбора» гр. Граббе повелась работа и по организации «русских казачков». И это понятно, т. к. им тоже надо пополнить свои кадры, как сказал ген. Абрамов на банкете в честь Граббе в Софии: казачьи станицы — это резервы пополнения кадров Русского Обще-воинского Союза...

А дальше — надо же собирать средства на содержание вновь выбранного Атамана и его представителей. Вот вы, русские казаки, и несите свои левы и франки, это вам зачтется за жертвенность на... спасение России и гибель Казачества...

В Варне имеется две казачьих организации: козашко братство и казачья имени атамана Назарова станица. Генерал Абрамов отдал распоряжение объединить их в одну организацию и поручил сделать это русскому генералу Толорскому. И вот этот генерал «яростно» взялся за слияние двух организаций в одну. Ему пришли на помощь зная, забывшие, что они казаки, вроде именуемого себя — полковник Маркин и др. (Кстати сказать, Маркин по послужному списку в 1919 г. значился сотником, но, «по выслуге лет», сам себя произвел в полковники).

Когда казаки заявили, что во вновь формируемую станицу надо созвать всех казаков, проживающих в Варне, как это говорится и в воззвании Объединенного Совета Дона, Кубани и Терека, то ген. Толорский, Маркин и еще др., категорически отвергли это, ссылаясь на предписание ген. Абрамова, т. к., мол, могут влезть в станицу казаки ненужные, т. е. самостоятельные, и могут развалить станицу и не подчиняться Граббе. Генерал пошел еще дальше, начал угрожать казакам, что отберет от них устав и т. п. Казаки ответили, что «за это нас на Камчатку не сошлете».

После некоторых переговоров казаки пошли на уступки и генерал, уже предвкушая лавры, набрался храбрости и стал удалять со сберу ему неугодных казаков, лишая их слова и предложил назвать новую станицу «Руско культурно братство» — в скобках «козашка станица».

После сбора некоторые казаки говорили: что же это такое, разве у нас и между нами нет человека, которому могли бы поручить организацию станицы, а поручили ваньку?

Но, пожизнем увидим.

Л. Бразда. (Болгария)

РОЗЫСКИВАЮ

Димитрия Лук'яненко. Знающих о его судьбе очень прошу сообщить по адресу:

Mihail Lukjanenko, Rudnik Bor. Jugoslavie.

